

Максим Михайлов

*Наемники не умирают,
они отходят в ад для
перегруппировки...*

Чужое знамя

Максим Михайлов

Чужое знамя

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Чужое знамя / М. Михайлов — «Станислав Щербаков», 2018

Они оказались на войне добровольно, потому что знали – это их долг. Но возвратиться с войны дано не всем. Даже те, кто остался в живых, порой не могут вернуться назад, и тогда за одной войной следует другая, иногда такая же справедливая, как первая, иногда нет. За второй третья, а за третьей – четвертая... И так до тех пор, пока война не становится боем ради боя, когда уже все равно, на чьей стороне и за что ты дерешься. Эта книга о «диких гусях», «солдатах удачи», «псах войны»... О тех самых людях, о которых принято стыдливо умалчивать, делая вид, что их не существует. Не стоит себя обманывать, они есть, они среди нас.

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

Кекс	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Михайлов

Чужое знамя

Знамя было чужим, вернее его вообще не было. Не считать же всерьез за знамя дурацкий черный флажок с «Веселым Роджером» красовавшийся на шевроне. «Понты дороже денег», – презрительно скривившись, откомментировал эту эмблему командир, глянув на рукав своей камуфляжной куртки. Но возможно, это и было то самое знамя, которого они заслуживали, потому что другого у них давно не было, вернее за последнее время знамен было так много, что выделить из них какое-нибудь одно вряд ли получилось бы. Разве что, то давнее и торжественное красное с золотой бахромой, которому присягали и которое клялись защищать. Этому знамени они отдали долг сполна, до последнего, до тех пор, пока его не сменил чужой и бездушный триколор, а уж ему они не были должны ничего.

* * *

Под ногами громко чавкала топкая зелень. Сырой пропитанный резко пахнущими испарениями воздух шумно всасывался в легкие и с хриплым присвистом вырывался из широко распяленного рта. Мясистые лианы, свисающие с деревьев тут и там мерзко щекоча кожу, шлепали по лицу. Он не обращал на это внимания, сил нагибаться и уворачиваться давно не было. Сколько уже продолжается этот бешенный бег не разбирая дороги? Минуты? Часы? Годы? Он не смог бы ответить на этот вопрос. Как не мог внятно сказать, куда именно бежит. Его гнал страх, первобытный ослепляющий не дающий шанса даже на миг остановиться, задуматься, выработать какой-то разумный план спасения. Страх физической боли, смерти, страданий заставляющий каждую клеточку измученного тела вопить от нестерпимого ужаса. Сейчас вместо мозга думали древние инстинкты. Скорее, скорее уйти как можно дальше, спрятаться, спастись, скрыться, растворяясь в этом чужом лесу. Зеленое марево как в тумане колыхнется перед глазами. Дальше, дальше в самую глубь этой пляшущей зелени, там не найдут, там можно будет забиться в темноту под корнями узловатых деревьев, зарыться в сырую вязкую гниль и наконец отдышаться, успокоить молотом бьющуюся в висках кровь.

Крепкие и ловкие пальцы цепко ухватили его за плечо. Он вырвался с неожиданной силой, дико по-звериному заверещав от смертельного ужаса, и отпрянув в сторону. Но чужая рука уже вцепилась в ворот пятнистой куртки, рывком пригибая к земле, бросая на колени. Из зеленого тумана перед глазами выплыло зло ощеренное в грязных потеках лицо Беса. Тонкие, похожие на бледных червяков губы шевелились, что-то говоря, но смысл слов не доходил до пораженного страхом сознания. Жесткая ладонь хлестко ударила по щеке, возвращая окружающему миру звуки.

– Ты чего, Студент?! Совсем охренел с перепугу?! А ну соберись!

Несколько резких рывков за ворот мотнули из стороны в сторону бессильно обвисшую голову. Пальцы крючками впившиеся под челюсть заставили вздернуть подбородок и встретиться глазами с горящим бешенством взглядом Беса. Командир, наверное, и сам понятия не имел, каким жутким может быть его лицо, закаменевшее, неживое, с темными провалами пустых холодных глаз. На этом лице жили лишь нервно подергивающиеся в хищном оскале губы:

– Вот что, урод! Мне с тобой возиться некогда! Будешь чудить, сам пристрелю! В лицо тебе выстрелю, чтобы не опознали, понял!!!

В свистящем шепоте командира столько чистой незамутненной ненависти, что ужас погони мгновенно теряется, отходит на второй план. «Пристрелит, точно! Как сказал, так и сделает!» Студент на секунду представил себе собственный труп с развороченным разрывной

пулей лицом валяющийся в кишашей белесыми прозрачными пиявками луже и содрогнулся всем телом, окончательно возвращаясь к реальности.

– Так то лучше, – уже спокойнее произнес Бес, видя, как мутная пелена уходит из глаз подчиненного, и они становятся хоть и испуганными, но все же осмысленными. – Штаны-то сухие?

Студент в ответ судорожно закивал, толком не поняв, о чем его спросили.

– И то хлеб, – кивнул командир. – Бывало и хуже. Ляг передохни, привал.

Студент огляделся по сторонам. Они находились на небольшой окруженной буйными зарослями полянке. Бес отошел от него и теперь негромко втолковывал что-то Самураю – крепкому здоровяку с типично азиатским лицом. Остальные трое вповалку лежали в высокой сочной траве и казались в своих мешковатых камуфляжных комбинезонах замшелыми коряжистыми колодами. Только ярко-красная футболка Ирины выделялась неуместным пятном на этом фоне. Девушка лежала, положив голову на бедро Маэстро, пижонистого парня с приклатненными рисованными манерами, который сразу невзлюбил Студента, впрочем, неприязнь была взаимной. Странно, но то что Ирина лежит вот так, чуть ли не уткнувшись лицом в пах чужому мужчине не вызвало сейчас у Студента ни малейшей ревности. Хотя увидь он такое вчера, наверняка не обошлось бы без обид и взаимных колкостей. Студент был тайно и безответно влюблен в Ирину, но теперь об этом как-то не вспоминалось. Даже вздымавшаяся от судорожного дыхания обтянутая тонкой тканью грудь девушки совершенно не волновала. В звенящей пустоте мозга мелькнуло лишь тупое удивление: «Надо же, и она выдержала этот сумасшедший бег».

Тем временем командир закончил свой разговор с Самураем и тот, молча кивнув, бесшумной расплывчатой тенью скользнул в окружающий полянку кустарник, направляясь назад, туда откуда они только что с таким трудом вырвались. Студент проводил Самураю удивленным взглядом, его самого никакая сила не смогла бы заставить вернуться обратно. Бес повернулся к лежащим и коротким взмахом руки подозвал их к себе. Кекс, невысокий, бритый наголо парень лет тридцати дисциплинированно поднялся. Маэстро же лишь картинно развел руками:

– Таки не могу, начальник. На одной из моих ног отдыхает дама.

При этих словах лицо Беса исказилось с трудом сдерживаемым недовольством. Студент давно подозревал, что командир недолюбливает представительницу компании, и предпочел бы, чтобы на ее месте был мужчина. Хотя Бес и старался этого не показывать, но слишком уж его отношение к Ирине было натянутым и официальным, что резко контрастировало с заигрываниями других членов команды.

– Дама... – процедил командир, сплюнув для убедительности под ноги. – А ну подскочил вместе с дамой и сюда, впереди собственного визга!

Маэстро, не смотря на многие вольности, разрешавшиеся ему в связи с давним знакомством с командиром, а может именно благодаря этому, четко умел различать, когда можно пошутить и повыпендриваться, а когда не стоит. Поэтому услышав в голосе Беса жесткие стальные нотки, он тут же вскочил, совсем не деликатно отстранив девушку. Окинув его недовольным взглядом, Бес присел на корточки и вытянул из планшетки карту. Маэстро и Кекс склонились над ней, о чем-то тихо перешептываясь.

Студента командир не позвал, но тот, преодолевая тупую боль в натруженных мышцах, все же поднялся и переместился поближе к тройке совещающихся. Изредка их реплики доносились до него, вселяя надежду и веру в то, что эти сильные и опытные люди найдут способ вытащить себя, а значит и его из передраги, в которую они все вместе угодили. «Тридцать километров лесом... Граница... Рвать будем здесь... Только дойти, там все отнимем... По дороге нельзя, там пост... На хрен нам посольство, нейтральная страна... Только до телефона добраться, а там пусть думают... Девка не дойдет... Тридцать километров... Надо очень быстро... Но не бросать же...» Под аккомпанемент их тихого шепота Студент незаметно для

себя задремал, вернее впал в какое-то полубоморочное забытье. В багровом тумане перед глазами мелькали искаженные яростью чернокожие лица, звенели катящиеся гильзы, и горячей волной обдавал ладонь раскаленный автоматный ствол.

Из забытья его вырвал шорох кустов. На поляне как-то сразу, будто неведомый лесной дух, материализовался Самурай. Вопросительно глянул на командира и, получив разрешающий говорить кивок, лаконично доложил:

– Есть, идут быстро, за нами, стволов тридцать, где-то километра полтора...

Глухой хлопок, донесшийся с той стороны, откуда пришел разведчик прервал его речь.

– Километр точно, – широко улыбнувшись, поправился Самурай.

Бес показал ему оттопыренный большой палец и махнул рукой остальным.

– Подъем, орлы... и вороны! Нам пора, «друзья» на пятки скоро наступать будут!

Студент.

Мобильник на поясе жизнерадостно запиликал мотив «Хорста Весселя». Сашка, гордо улыбнувшись, исподтишка огляделся по сторонам, не спеша ответить на вызов. Жаль, но никто из находившихся поблизости не узнал мелодию, а следовательно не смог оценить ее смысла. Это слегка подпортило настроение, еще бы, попробуй найди, даже в нынешней демократической России, старый фашистский марш, столько сил и времени на это убито, а снующему мимо обывательскому быдлу абсолютно до фонаря! Лишь сидящая на соседней скамейке вульгарно накрашенная девица в мини-юбке, поймав испытующий взгляд крепкого, наголо обритого парня с непонятной татуировкой на шее призывно оскалилась. Только этого еще не хватало, Сашка торопливо отвел глаза и повернулся к потасканной диве спиной, нажимая клавишу приема.

– Хайль, брат! Есть срочное дело! Подъезжай сегодня к пяти на Набережную.

Голос одного из младших фюреров доносился сквозь треск помех еле-еле и Сашка, не сразу врубившись чего собственно от него хотят, даже растеряно переспросил:

– Куда? Зачем? У меня на вечер планы были... К семинару готовиться надо...

– Какие планы! – голос сразу построжал и в нем мелькнули жесткие командирские нотки. – Ты что совсем обалдел?! Еще в планетарий отпросись! Сегодня проводим акцию! В пять на Набережной. Роджер!

Сашка еще несколько секунд тупо смотрел на дисплей мобильного со стереотипной фразой «Вызов завершен», затем с досадой покосился на все еще строившую глазки девицу и быстрыми шагами двинулся в сторону проспекта. Сидеть в скверике перед фонтаном, наслаждаясь первыми по настоящему теплыми лучами весеннего солнца, как-то сразу расхотелось. «Тоже мне, начальник выискался! – бурчал он себе под нос на ходу. – Проводим акцию! Орел комнатный! Акции он проводит! Опять поди плакатики расклеивать заставят!» Попадавшие на встречу прохожие благоразумно спешили уступить дорогу крепкому парню, затянутому в черную кожу. Гулко цокали металлические подковки тяжелых ботинок с высокими берцами, развевались при каждом шаге форсистые белые шнурки.

В боевую националистическую организацию «Русские волки» Сашка вступил недавно. Эдик, одноклассник, а теперь сокурсник в университете, привел как-то на митинг. Сашка идти особо не хотел, но соблазнился халявным пивом, которое обещали раздавать организаторы, да и вообще в тот день заняться было нечем, так хоть какое-то развлечение. Неожиданно речи кричащих в микрофоны ораторов зацепили за живое, да так, что и про пиво позабыл. Может быть виной тому была сама накаленная, пронизанная непонятной силой и незнакомой жесткой энергетикой атмосфера, может так подействовала грозная эстетика происходящего – красочные знамена, эффектные повязки со свастикой на рукавах черной униформы, только Сашка,

простояв два часа с раскрытым ртом и чутко ловящими каждое слово ушами, упросил Эдика свести его с организаторами.

Сказано – сделано, и уже на следующий день он оказался на одной из конспиративных квартир «Волков». Там его восхищение этими жесткими уверенными в себе парнями еще больше окрепло. Вот где молодежь занималась настоящим, тяжелым и опасным делом! Вела борьбу за спасение нации, а не тупо прожигала жизнь по барам и ночным клубам! И Сашка понял, что его место именно здесь, среди черно-красных знамен, тяжелых бритых затылков и черных кожаных курток. Он должен быть с ними! К его удивлению, попасть в «славную когорту избранных» оказалось сравнительно легко. Побеседовав минут десять с одним из высших городских фюреров, представившимся прозвищем Лис, и заполнив формальную анкету, основной целью которой было выяснить, нет ли среди его ближайших родственников представителей монголоидной и негроидной рас, или того хуже евреев Сашка торжественно пожал руку все тому же Лису и получил отпечатанный на цветном принтере членский билет за номером 388.

Домой новоявленный «волк» летел, как на крыльях, жаль, что не с кем было поделиться радостью. Вряд ли в семье, где до сих пор истово чтит память погибшего в Отечественную под Сталинградом деда, оценили бы вступление внука в пусть русскую, но все же откровенно фашистскую организацию. Да и Лис весьма недвусмысленно предупреждал: «Помни, мы являемся боевым крылом большой организации. Огромная честь быть „волком“, но велика и ответственность, а иногда и опасность. Вполне может случиться так, что во имя великой борьбы тебе прикажут нарушить закон установленный предателями Истинной России. Этого не надо бояться, но соблюдать разумную осторожность необходимо. Старайся без нужды не делиться ни с родными, ни с друзьями делами организации. Пропаганду наших идей тоже вести нет нужды, для этого найдутся другие, специально обученные люди. У „волков“ же другая задача – стоять на страже безопасности партии».

С тех пор прошло несколько месяцев, и первоначальная эйфория постепенно улеглась, несмотря на громкие заявления ничего выдающегося совершить за это время не довелось. Лишь дважды Сашке и еще нескольким молодым «волкам» поручали расклеивать по городу листовки. Но это совсем не значит, что молодежью никто в организации не занимался, совсем наоборот. Три раза в неделю по вечерам Сашка приходил во двор, где находилась штаб-квартира, и неприметная желтая «Газель» напоминавшая маршрутное такси увозила его и других «волков» за город на «базу». А там уже ждали инструктора – взрослые, тертые мужики, суровые до жестокости. Им были глубоко по барабану партийные идеи, они в них совершенно не разбирались. Зато они здорово понимали в другом: в костоломных приемах армейского рукопашного боя, в стрельбе из многих видов оружия, способах прорыва милицейских заградительных цепей, тактике действий малых подразделений и тому подобных интересных и полезных вещах. Своими знаниями они щедро делились с необученной молодежью, между собой слегка обидно обзывая ее «пластилином». «Это потому, что пока вы молодые из вас что угодно вылепить можно» – пояснил раз инструктор одному из наиболее настырных и обидчивых учеников.

Частенько проводились и так называемые «политзанятия». Их вел лично Лис. И вот там, Сашка узнал много такого, от чего в его душе проросли и дали плоды первые ростки настоящей ненависти к «инородцам». Раньше он относился к ним вполне спокойно, они существовали как бы параллельно, он не трогал их, они его. И лишь теперь он узнал и о всемирном еврейском заговоре, и об исламском фундаментализме, в принципе отказывающем ему, Сашке, в праве существовать на этой земле лишь потому, что он чтит иного бога. Уж если совсем честно, то Сашка вообще никакого бога не чтит, но тем более для Аллаха делать исключения не собирался.

К указанному времени Сашка в компании еще десятка таких же, как и он молодых «волков» бестолково топтался на Набережной про себя проклиная придурков-фюреров которым

так некстати пришла мысль проявить очередную активность. Семинар по макроэкономике это совсем не шутки и гроза всех студентов доцент со смешной кличкой Долгоносик без колебаний влепит два шара за неподготовленность, а значит, прощай вождельный зачет автоматом по предмету. Видимо придется зубрить чертову макроэкономiku ночью. Занятый этими невеселыми мыслями Сашка даже не заметил, откуда на Набережную тихо шурша шинами, вырвали знакомая «Газель». Из распахнутой двери высунулся один из инструкторов и призывно махнул рукой:

– Давай быстрее, грузимся, парни! Ну, шевели там булками, кому сказал!

Бритые парни в черной коже шустро попрыгали в машину, и «Газель» коротко рыкнув двигателем, покатила по городу, стараясь избегать центральных улиц и при любой возможности ныряя во дворы и узкие переулочки. Инструктор вел себя как-то странно, преувеличенно бодро улыбался, плоско шутил и сам же первый гоготал над своими остротами как заведенный. От этой наигранной веселости у Сашки, да и у многих других по спинам пробежал холодок неясного дурного предчувствия, и в салоне сразу сгустилась непривычно тревожная атмосфера. На расклейку очередных листовок начало акции совершенно не походило.

Примерно через час петляния по закоулкам машина встала в заросшем зеленым глухом дворе. «Мы где-то в центре», – решил про себя Сашка всю дорогу пытавшийся следить за маршрутом и, тем не менее, довольно быстро потерявший ориентировку. Дверь хлопнула, и в салон быстрым скользящим движением не вошел, а буквально просочился Лис. Вот только что его не было и вдруг, раз, и он уже сидит в кресле у кабины шофера, внимательно рассматривая «волков» по обыкновению чуть прищуренными глазами.

– Парни, – закончив беглый осмотр, начал фюрер. – Настало время проверить, на что вы реально годитесь. Мы старались сделать из вас настоящих людей, бойцов, цвет и гордость угнетенной и униженной русской нации. Сегодня будет видно, удалось это или нет.

От такого вступления Сашка почувствовал, как по пояснице забегали предательские мурашки, в животе стало пусто и холодно, а ладони сжатых в кулаки рук неожиданно взмокли.

– В нашем истинно русском городе, – между тем продолжал Лис. – Как вы сами знаете, в последнее время появилось много мигрантов с Кавказа. Мы не против их приезда и готовы принять и даже помочь. Но! Наше радушие распространяется только на тех, кто уважает нас и наши обычаи, живет по нашим законам и понимает, что он здесь лишь гость, а отнюдь не хозяин. Я прав?

Салон машины отозвался нестройным одобрителем гулом.

– А раз прав, то кто-то должен показать возомнившим о себе чуркам их место! Кто-то должен отстоять наш русский порядок!! Спасти наших женщин от насилия!!! Заставить зверей уважать русских!!! Показать кто хозяин этой земли! Этой великой страны!!! – голос фюрера поднимался все выше и выше, ввинчивался в бритые головы с неотвратимостью сверла, наэлектризовывал, заставлял слушателей гневно сжимать кулаки. – А кто должен сделать это?! Кто защитит и отстоит светлую память наших отцов?! Кто спасет от поругания матерей?! Кто?!!

– Мы! – хрипло выдохнул салон.

– Кто?! Я не слышу вас! Кто?!!

– Мы!!! – от дружного рева вздрогнули стекла.

Даже Сашка, весьма нейтрально относившийся к выходцам с Кавказа и приятельствовавший с несколькими однокурсниками-дагестанцами, в этот момент ощутил волну слепящей удручающей ненависти, казалось попалось сейчас ему ненавистный мигрант и зубами вцепиться в заросшее жесткой щетиной горло и грызть будет не хуже бульдога. До него, конечно, и раньше доходили какие-то невнятные слухи и разговоры, о беспределе учиняемом гостями с юга то на городском рынке, то в студенческих общагах, о том, что вконец опьяневшие от безнаказанности горцы творят в городе что хотят, а менты и администрация так плотно с ними появ-

заны, что и управы на лихих джигитов не найти. Но эта информация всегда пролетала мимо ушей, как фантастические истории, происходящие где-то на другой планете, с кем-то выдуманным. Теперь же внезапно пришла на ум фраза, однажды мимоходом брошенная Лисом: «Чужого горя и чужих проблем не бывает, каждый в ответе за все, что происходит вокруг. Это не мое дело, говоришь ты, отворачиваясь, когда твою однокурсницу насильно запикивают в машину пьяные кавказцы. Сами разберутся, говоришь ты, проходя мимо лоховатого деревенского мужика, которого разводят на базаре, держащие там масть хачики. Так вот, когда они придут к тебе и скажут, что будут теперь жить в твоём доме и трахать твою жену, твои соседи тоже отвернутся и скажут, что это не их дело. Сила черных в том, что они друг за друга. Наша слабость в том, что мы каждый сам по себе». И Сашка внезапно до боли ясно ощутил правоту наставника, пусть злую, пусть жестокую, но правду его слов. И еще раз, будто подводя точку под уже принятым важным решением, тихо пробормотал: «Мы... Кто же кроме нас?»

Лис внимательно оглядел «волков» и видимо удовлетворенный результатами своей речи совершенно спокойным деловым тоном начал инструктаж:

– А раз так, то приступим. Первое. Всем достать мобильные телефоны и выставить будильники на вибросигнал в 19 часов 40 минут. Сделано? Теперь мобильники положить во внутренние карманы. Срабатывание будильника сигнал к окончанию акции, где бы вы в этот момент ни находились, чтобы ни делали, бросаете все и отходите к месту сбора. Место сбора здесь во дворе. Машина будет вас ждать. Ясно? Теперь сама акция. Сегодня в ресторане «Альбатрос» в 19 часов проходит стрелка лидеров дагестанского и чеченского землячеств. Задача: под руководством инструктора выдвинуться к ресторану и ровно в 19 часов 30 минут с улицы через окна забросать зал ресторана бутылками с зажигательной смесью. Всех кто попытается выскочить наружу лупить сколько хватит сил. Пусть знают, что здесь их не бояться и не позволят устроить беспредел как в других городах. Когда инструктор поведет вас к ресторану всем постараться как можно лучше запомнить дорогу. Машина уйдет отсюда в 19 часов 50 минут. Опоздавших не ждем. Если кто попадетса ментам – молчать и косить под случайного прохожего до последнего, тогда вытащим, адвокаты есть. У меня все. Вопросы? Нет? Отлично! Оружие получите у инструктора. Слава России!

– Слава России! – рявкнул салон.

Лис вскинул руку в приветствии и неспеша покинул машину, плотно прикрыв за собой дверь.

Как ни странно не смотря на всю чудовищность предстоящей акции, в тот момент Сашка не ощутил ни тени сомнения, ни в ее необходимости, ни в их праве сжечь живьем совершенно незнакомых людей, на которых укажет фюрер. В голове было абсолютно пусто и легко, только бил ознобом азарт предстоящей схватки, точь в точь как перед шагом в яму с опилками при учебных боях на «базе».

Тем временем выскочивший следом за Лисом инструктор выслушивал последние наставления и если бы Сашка в этот момент выглянул в окно, то весьма удивился бы. В ходе короткого инструктажа фюрер несколько раз глазами указал инструктору на маячащую в окне Сашкину голову, в ответ инструктор понятиливо кивнул. Но Сашка, захваченный начинающейся акцией, первым «настоящим, достойным борца делом» в окно не смотрел.

– Всегда приятно, когда есть возможность убить сразу двух зайцев, – с тихим смешком произнес Лис.

Инструктор в ответ лишь криво ухмыльнулся.

Ресторан «Альбатрос» находился на первом этаже бывшей интуристовской гостиницы. Честно говоря, иностранцы и в советское время не осаждали толпами предназначенный специально для них приют в центре провинциального города. А теперь представителей дальнего зарубежья и вовсе давно не встречалось, большинство постояльцев составляли гости из быв-

ших братских республик в одночасье ставших заграницей. Тем не менее, ресторан процветал, известный добротной и относительно дешевой кухней, чистотой и ненавязчивым сервисом он выгодно отличался от аналогичных заведений, что как грибы после дождя появлялись в новую капиталистическую эпоху. Широкие во всю стену окна выходили прямо на проспект и если бы не тяжелые бордовые портьеры все посетители были бы как на ладони.

«Может так оно и лучше, если бы как на ладони. Зато и улица также видна, а то сидишь здесь, как в пещере, только, в отличие от настоящей пещеры, окружен не прочной и надежной горной породой, а хрупким стеклом. И лишь тяжесть старых пыльных портьер создает эту иллюзию закрытости и защищенности от окружающего мира», – совершенно неожиданно даже для самого себя подумал Эмиль, и даже головой тряхнул, прогоняя назойливую мысль о возможной ловушке. Хоть он и работал телохранителем Ильяса Шерипова всего неделю, а в этом городе жил на два дня больше, Эмиль уже отлично понимал, что все, кто мог бы воспользоваться ситуацией и организовать покушение на собравшихся в ресторане, сейчас сидят в центре зала за сдвинутыми ради такого случая и ломящимися от изобилия закусок столами: сам Ильяс, столь же, если не более, уважаемые братья Магомедовы, Руслан Монотилов со своими ближайшими помощниками и трое чеченцев, по инициативе которых и проводилась встреча. Собственно вот эти люди и «делали погоду» в местном теневом мире. И бояться им стоило лишь друг друга.

Они чувствовали себя здесь хозяевами, хотя мало кто из них родился и вырос в этом затерянном в центральной России городе. Большинство появилось тут не так давно, и по началу отнюдь не претендовало на роль хозяев. Они начинали с малого, торговали фруктами на рынке, открывали маленькие магазинчики, в которых все товары были пусть на рубль, но дешевле, чем у местных бизнесменов, не доедали, не досыпали упорно вгрызаясь в чуждую среду обитания и закрепляясь в ней, не приспособливаясь к чужим условиям, а сами эти условия перестраивая под себя. В лихие времена «дикого капитализма» они не только выжили, но и приподнялись благодаря надежной охране составленной из ближних и дальних родственников, спаянных жесткими законами клана, четкому пониманию того, что важнее всего «дружить» с властью, то есть не скупиться на подарки чиновникам мэрии и милицейским чинам и особой восточной хитрости и оборотистости. Теперь они владели ресторанами и казино, магазинами и автозаправками к ним в карманы широким потоком текли деньги простых жителей города, от каждого маленького человечка по тонкому ручейку. На эти деньги они содержали несметное количество родственников, друзей, знакомых, друзей друзей, и знакомых знакомых – на Кавказе дальнего родства не бывает. Пусть вся эта масса приезжих не была такой оборотистой, предприимчивой и умной – что поделывать, позаботиться о ней они были обязаны: пристроить к делу, дать возможность самому заняться торговлей, взять к себе на работу, помочь с жильем, устроить в институт, да мало ли какая помощь может потребоваться земляку в чужом городе? Что с того, что им самим пришлось в свое время зубами выгрызть себе право на жизнь, для того они это и делали, чтобы приехавшим вслед было легче. «Хорошая страна Россия, – шутили они между собой. – Вот только русских в ней слишком много!»

Эмиль сидел за угловым столиком так, чтобы быть всегда под рукой если вдруг Ильясу что-то понадобится, но и на достаточном удалении, чтобы не слышать о чем пойдет речь за столом переговоров и не смущать своим присутствием высокие договаривающиеся стороны. Напротив вальяжно развалился его напарник, а точнее непосредственный начальник – Руслан. Охрана остальных присутствующих на встрече также разместилась по стоящим вдоль стен столикам. Особенно выделялись охранники чеченцев – диковатого вида, густо заросшие щетиной здоровяки в коротких кожаных куртках и спортивных костюмах, обильно украшенные золотыми цепями и гайками, с прищуром по-волчьему зыркающие на всех присутствующих с непередаваемым ощущением собственного превосходства. Надо сказать, что охрана дагестанцев выглядела не в пример более скромно и цивилизованно. Разумеется, и Эмиль, и Руслан, тоже

вполне могли при случае выступить в адидасовско-кожанном обличье, но всему свое время и место – боевой прикид приклатненной шпаны на серьезной встрече серьезных людей, по крайней мере неуместен.

Эмиль, с трудом сдерживаясь отвернулся, поймав очередной вызывающий взгляд одного из чеченцев. Надавать бы тебе по небритой роже, чмошник, не попался ты мне в армии! Дело в том, что Эмиль всего месяц назад окончательно распростился с Вооруженными Силами, где за пятилетнюю офицерскую карьеру дослужился ни много, ни мало – до командира роты. А командир роты у себя в подразделении царь и бог, а уж если рота отдельная, как было у Эмиля, то царь и бог в квадрате, если не в кубе. Поэтому перестраивать себя, привыкая к гражданской жизни в которой ты в сущности никто и звать тебя никак, оказалось довольно трудной задачей. Ну не терпел Эмиль, чтобы его нагло рассматривали в упор, не нравилось ему это, к тому же он подозревал, что чеченец распознал в нем кумыка и нарочно демонстрирует теперь свое превосходство. Почему чеченцы традиционно считали себя во всем выше и лучше его соплеменников, Эмиль точно не знал. Однако сам факт существования такого презрительного отношения от незнания не становился более терпимым и, прямо скажем, изрядно бесил. Бесил то, бесил, а вот, поди ж ты, и поделать ничего нельзя, так как ты человек подневольный, еще похлеще чем в офицерскую свою бытность. Только затей свару с отморожком-чеченцем, мигом вылетишь из охраны Ильяса и окажешься на улице с протянутой рукой. А домой в Махачкалу возвращаться нельзя, там ждут и надеются на него – кормильца и защитника, старая мать и трое младших братишек. Без его заработка им не прожить. Ведь именно ради них после смерти отца Эмиль уступил настойчивым уговорам двоюродного дяди и оставил нравившуюся, но уж очень не прибыльную военную службу. Надо сказать, дядя не подвел, переданная от него весточка для Ильяса оказалась просто волшебной. Едва прочтя коряво нацарапанные на листке в клетку каракули, Ильяс тут же принял Эмиля как родного – денег дал на первое время, помог снять дешевую квартиру, да и работать оставил при себе. Однако неуважения к старшим, нарушения хода важной встречи даже он терпеть не будет, так что Эмилю оставалось лишь сделать вид, что он не заметил горевшего в глазах чеченца вызова. Тот же, увидев, что дагестанец отвел взгляд, самодовольно ухмыльнулся и что-то сказал сидевшим рядом, те довольно заржали, правда осторожно, чтобы не мешать разговору за центральным столом, но все же достаточно обидно.

– Что ты головой крутишь? Сиди спокойно, люди уже смеются, – неприязненно прошипел Руслан. – Лучше чай пей.

– Разве это чай? Моча какая-то... – постарался перевести разговор на постороннюю тему Эмиль. Руслана он недолюбливал, а если уж совсем на чистоту, то немного побаивался.

Началось все с первой их встречи. Ильяс представил Эмиля крепко сбитому коренастому даргинцу с белой нитью тонкого шрама, тянущейся через левую щеку, объяснив, что теперь они будут работать вместе и по всем вопросам даргинец, назвавшийся Русланом, для Эмиля самый главный начальник. Обменявшись с Эмилем рукопожатием, рука даргинца оказалась не слабее стальных тисков, Руслан увлек только что приобретенного подчиненного в отдельную комнату, где и приступил к подробным расспросам, временами похожим на настоящий допрос. Ответы Эмиля видимо не слишком ему нравились, потому как в самом начале, только выяснив, что по национальности Эмиль отнюдь не даргинец, а кумык, Руслан начал укоризненно покачивать головой и уже не прекращал этого делать до конца беседы. Однако самым неприятным для Эмиля оказался последний вопрос.

– Значит, говоришь, офицер, командир роты... В Чечне часом не воевал?

– Нет, не пришлось... – в тот момент Эмиль почему-то почувствовал себя виноватым, хотя от войны никогда не косил, просто не посылали, а сам не напрашивался.

– А мне вот пришлось... – задумчиво протянул Руслан.

– Да? – обрадовался Эмиль, наконец-то наметились хоть какие-то точки соприкосновения с новым начальством, раз так говорит, значит тоже служил. – А в какой части?

– В части? – остро глянул на него Руслан, и Эмиль смутно заподозрил, что сморозил какую-то глупость. – У имама Шамяля.

Больше они к этому разговору не возвращались, но бывший активным членом партии «Нур» и ярким сторонником идей ваххабизма Руслан, пользуясь положением старшего, с огромной энергией взялся за, как он сам это называл, «духовное воспитание» имевшего довольно смутное понятие об исламе вообще и его течениях в частности отставного офицера. Проповеди борца за веру Эмиль находил глупыми и скучными, но, из вежливости и чинопочитания, выслушивал, делая вид, что заинтересован, тут же впрочем, выбрасывая все услышанное из головы, как только сам новоявленный проповедник удалялся из зоны прямой видимости.

– Не нравится чай, так закажи себе кофе! – раздраженно посоветовал Руслан.

– Как же я закажу... – начал было Эмиль, но тут же осекся, оказывается, пока он играл в гляделки с чеченцем, официальная часть переговоров закончилась, и к столикам устремились нарядно одетые официантки, а на эстраду в дальнем углу начал карабкаться призванный улаживать слух дорогих гостей живой оркестр.

Барски уверенный взмах руки Руслана, и легкая девичья фигурка в униформе услужливо склонилась над их столиком. По-детски наивные большие синие глаза вопросительно мазнули по лицу Руслана и неожиданно замерли, наткнувшись на пристальный взгляд Эмиля. А у того вдруг перехватило дыхание, такой незнакомка показалась юной и свежей, так иногда бывает, когда случайный жест, полунамек, полувзгляд вдруг попадают в резонанс с колебаниями твоего сердца, рождая в душе вихрь чувств, образов и мыслей, и ты замираешь, будто громом пораженный. Пройдет всего лишь несколько секунд, и ты справишься с неожиданным порывом, и прекрасная принцесса превратится в обычную особь противоположного пола, каких вокруг больше чем достаточно, а внутри останется удивленное и слегка стыдное воспоминание о только что испытанном. Однако лишь такие мгновения на самом деле и свидетельствуют о том, что человек еще живет, еще не превратился в бездушный автомат, тупо выполняющий день за днем положенные функции. Вот такая внезапная искра и шарахнула Эмиля в тот момент, когда он встретился с глазами официантки, да так шарахнула, что даже кофе попросить не получилось, за него это сделал слегка удивленный Руслан.

Девушка кокетливо улыбнулась обоим и, чуть больше чем необходимо виляя бедрами, отошла от столика. Уже трезвеющий Эмиль проводил ее долгим задумчивым взглядом.

– Что понравилась? – расхохотался Руслан. – Так в чем проблема? Заплати и твоя! Или тебе денег одолжить?

– Ты что ее знаешь? – как можно более равнодушным голосом спросил Эмиль.

– Зачем знать? Я и так вижу! Дорого не возьмет, не бойся! – продолжал веселиться, не давший себя провести наигранным равнодушием Руслан.

Эмиль прекрасно понимал, что напарник, скорее всего, прав, но ему так не хотелось верить в эту правоту, и дело было даже совсем не в этой конкретной девушке. С ней скорее всего все так и обстояло, иначе вряд ли она, имея такую внешность, задержалась бы на работе в ресторане принадлежавшем Руслану Монотилову – большому любителю «белый баба» (как он сам передразнивал менее образованных соотечественников). Просто грязные сальности Руслана сейчас почему-то воспринимались в штыки, вызывая глупое желание спорить и доказывать заведомо невероятное, видимо сказывались те секунды сладкой эйфории испытанные только что при виде глубоких синих глаз, чуть приоткрытых губ и водопада светлых волос.

– Ты что не прочитал книгу, которую я тебе давал? – вырвал Эмиля из задумчивости голос напарника. – Тагаев же там ясно пишет про русских баб: «Она везде и всегда и в любом месте, в любое время с кем угодно и как угодно ляжет...». Так что пользуйся на здоровье!

Книгу «Повстанческая армия имама» Руслан действительно сунул ему уже на второй день знакомства, пояснив, что каждый мусульманин просто обязан ее прочесть. Эмиль даже честно попытался, но дальше первых страниц не продвинулся, настолько параноидальным бредом хлестнуло вдруг от убористого ровного шрифта. Прочтя о том, что на Кавказе должно быть основано великое исламское государство, а Россия будет вытеснена не только с этих территорий, но вообще урезана до границ бывшего Московского княжества, он попробовал представить себе своих бывших сослуживцев покорно склоняющих головы и скорбной колонной уходящих на «историческую родину», находящуюся на тысячу с лишним километров севернее места дислокации их части. Картина получилась уж вовсе нереальная и даже где-то анекдотическая. Вся беда в том, что Магомед Тагаев никогда лично не был знаком ни с его старшиной – кряжистым и скорым на кулак терским казаком, ни с близнецами взводными из Сибири братьями Пименовыми. Вот познакомился бы вначале, а потом уже садился за книгу, тогда глядишь, и написал бы что-нибудь более реальное, может быть даже «не буди лихо пока оно тихо».

– Вот, смотри, она обратно идет! Подойдет, покажи ей деньги и она твоя!

Эмиль повернулся в ту сторону, куда указывал Руслан. Действительно девушка плавно плыла по проходу между столиков с подносом в руке, грациозно двигаясь в такт романсу, звучавшему с эстрады. На подносе исходила паром одинокая чашка кофе. Эмиль всмотрелся повнимательнее в ее лицо и действительно, то ли от изменившегося освещения, то ли под впечатлением слов напарника, оно показалось ему исполненным порочного сладострастия, наивность и свежесть будто испарились, уступив место прожженному бесстыдству, то, что казалось раньше чистотой и неиспорченностью теперь представало лишь умело наложенным макияжем, а детская открытая улыбка превратилась в заученную кокетливую гримасу. Он даже зажмурился на секунду, пытаясь вернуть себе прежнее восприятие, но это не помогло.

– Я думаю, ты можешь ее даже прямо сейчас трахнуть – есть же у них здесь какие-нибудь гардеробные или подсобки. А Ильясу я скажу...

Что собирался сказать Ильясу Руслан, так и осталось неизвестным, потому что закончить фразу ему помешал громкий звон разбитого стекла.

Сашка нервно курил, прислонившись спиной к фонарному столбу напротив одного из окон. Из ресторана доносились звуки живого оркестра, и молодой хорошо поставленный голос вытягивал строчки популярного романса:

Пускай все сон, пускай любовь игра,
Но что тебе мои порывы и объятья?

За пазухой у Сашки уютно примостилась бутылка со знаменитым коктейлем Молотова, правая рука тискала в кармане спичечный коробок, левая сжимала конец всунутого в рукав куртки короткого арматурного прута. Под ногами лежал специально принесенный булыжник. «Сначала разбей стекло камнем, потом уже поджигай и кидай бутылку, кидай сильно, чтобы портьерой не отбросило обратно». Так сказал инструктор. И сейчас Сашка горячечным шепотом твердил про себя последовательность действий: камень, поджечь бутылку, бутылку в окно, камень, поджечь бутылку... Коленки странно подрагивали и ноги становились будто ватными, непослушными. Неужели страх? Время тянулось как резиновое, до начала акции еще десять минут. Сашка оглянулся на остальных «волков» занявших позиции вдоль улиц. Напряженные фигуры замерли в ожидании. Левое колено ощутимо дрогнуло и завибрировало мелким тиком. Черт! Да что это со мной? В голове сами собой всплыли последние напутственные слова инструктора: «Только не бздеть, парни! Сами увидите, это не страшно. Только не бздеть!». «Только не бздеть! Не бздеть!» – забывшись, вслух произнес Сашка. И криво улыбнулся, заме-

тив, как покосилась на него проходившая мимо женщина с двумя туго набитыми пакетами из супермаркета за углом.

На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера.

Музыка плыла, пропитывая собой прохладный вечерний воздух. Нет, это невыносимо! Романс настолько диссонировал с предстоящим, так не вписывался в Сашкино настроение, что хотелось зажать уши. А вот оно, плеер же с собой. Так, наушники в уши, что у нас там? Калугин? Отлично, давай звук на полную, все равно слушать уже нечего! Монотонно бухающие в такт биению шального пульса в висках аккорды тараном ударили в возбужденный мозг, попадая в резонанс с кипящим ритмом селевого потока рвущейся по венам крови.

Они пришли как лавина, как черный поток,
Они нас просто смели и втоптали нас в грязь.
Все наши стяги и вымпелы вбиты в песок,
Они разрушили все, они убили всех нас.

Да это то, что надо. Знакомая мелодия подхватила и будто понесла ввысь, наполняя мышцы злой пружинящей силой, требующей немедленного выхода, страх ушел, все будет как надо. И как раз в тему – для того он здесь сейчас и находится, чтобы дать отпор пришлым чужакам, так вольготно чувствующим себя на его родной земле. Выше, еще выше...

И можно тихо сползти по горелой стерне,
И у реки срезав лодку пытаться бежать,
И быть единственным выжившим в этой войне,
Но я плюю им в лицо, я говорю себе: «Встать!»

Встать! Да! Пора наконец подняться с колен и показать кто на самом деле здесь хозяин! Краем глаза он уловил движение с боку. Время! Начали! Сначала камень в стекло. Бульжник с неровными острыми краями удобно ложиться в руку. Замах. Н-н-а-а! Стекло витрина сверкающим дождем осыпается, опадает, прыгая бриллиантовыми осколками по асфальту почти у самых ног.

Я вижу тлен, вижу пепел и мертвый гранит,
Я вижу то, что здесь нечего больше беречь,
Но я опять поднимаю изрубленный щит
И вырываю из ножен бессмысленный меч.

Черт, коробок в холостую проехался по головками примотанных к бутылке здоровенных спичек. Еще раз. Есть! «Только не бздеть!» Внутри ресторана, чуть левее Сашкиного окна уже ярко полыхнуло. Столб пламени отбросил на бордовую портьеру причудливые ломанные тени.

Последний воин мертвой земли...

Замах. Краем глаза Сашка отфиксировал яркую вспышку сбоку. Будто кто-то фотографировал происходящее. Странно. Но сейчас не до этого, и он тут же забыл об увиденном. Н-н-а-а! Удачно, отбросив портьеру, бутылка влетела в зал. На секунду мелькнуло искаженное ужасом лицо молоденькой девчонки в униформе официантки. Потом из окна плеснуло пламя.

В первый момент Эмиль просто оцепенел, тупо глядя на распускающийся посреди зала огненный цветок. Сознание отказывалось воспринимать внезапный и страшный переход от благодушной обстановки ресторанный вечера к пугающей действительности. Полыхнуло сразу в нескольких местах зала, да так, что и пожаром это не назовешь, какое-то огненное наводнение – пышущее жаром море огня и пламени, внезапно разверзшаяся преисподняя. Он продолжал неподвижно сидеть, отчаянно борясь с ощущением нереальности происходящего не дающим ничего предпринять. Он видел, как медленно и плавно, будто в замедленной съемке, крутнувшись вокруг своей оси, падает на четвереньки, выхватывая из-за пояса пистолет, Руслан. Как бестолково суетятся в центре зала «уважаемые люди», наткаясь друг на друга, толкаясь и пытаясь найти путь для бегства. Как живым факелом вспыхивает оттесненный прямо к очередному огненному клубку Ильяс.

Присутствие духа в нелегкой ситуации сохранили лишь чеченцы, видимо сказывался прошлый боевой опыт. В едином порыве выстроившаяся клином группа врзалась в мечущуюся толпу, без всякого почтения и деликатности расшвыривая в разные стороны встающих на пути и вырывая из общей кучи своих, окружая, закрывая от огня собственными телами, выводя к узким проходам в подсобные помещения, прочь от огня и дыма к свежему вечернему ветру, к спасению.

Эмиль опомнился, когда рядом рухнуло, обдав его снопом искр декоративное панно, висевшее на стене. Вскочив на ноги, и все еще сомневаясь в реальности происходящего, но явно чувствуя, что начинает задыхаться от удушливого дыма с резким химическим запахом не то горящего пластика, не то той гадости, что вызвала пожар, он все еще упорно думал, что это какая-то случайность, несчастный случай, чей-то недосмотр, Эмиль бросился было вслед за чеченцами, но новый огненный шар, влетевший через разбитое окно преградил ему дорогу багровой, пыхнувшей в лицо жаром стеной пламени. Развернувшись, уже не разбирая куда именно движется, в животном ужасе он бросился назад, и запнувшись о что-то лежащее на полу с разбегу грохнулся на крупное с горловым всхлипом прогнувшееся под ним тело. Попытался встать, но цепкие пальцы вцепились в бедро, потянули назад, тошнотно пахнуло горелым мясом, а в заложенные от напряжения уши ударил истошный вой.

– Да отцепись ты! – неожиданно пронзительно заверещал Эмиль изо всех сил дергая ногой и пытаясь лягнуть держащего в лицо.

Получалось плохо, абсолютно незнаваемый, хотя и наверняка знакомый, живьем горящий мужик впился в его лодыжку мертвой хваткой. Еще один рывок и Эмиль вместо того, чтобы вырвать ногу, поскользнулся и оказался на полу. Оставив бесполезные попытки он, обдирая ногти с пальцев, слепо шаря перед собой руками, пополз в сторону окон, волоча прицепившегося за собой и больше не обращая на него внимания. Где-то на полдороги он оторвался сам, но у Эмиля уже не хватало сил на то, чтобы встать, и он продолжал двигаться на полу-четвереньках.

Наткнувшись на очередное тело, он попытался отодвинуть его с дороги, и даже, натужно хрипя от прилагаемого усилия, почти уже освободил себе проход, но тут взгляд уперся в глубокие синие глаза, обдавшие Эмиля волной смертельной тоски обреченного зверя. «Это она... Она...» – будто щелкнуло что-то в мозгу. «Спаси! – умоляющий шепот громом ударил в уши. – Не оставляй! Спаси!» Эмиль отвернувшись в сторону и чувствуя, как внезапно, видимо от дыма, защипало глаза, пополз дальше. Шепот вскоре затих, заглушаемый гудением разошедшегося пламени. Вот уже и спасительная портьера чуть колыхающаяся под так приятно остужающими кожу порывами ветра, можно наконец вдохнуть полной грудью что-то хоть отдаленно похожее на воздух. Эмиль на секунду остановился, а затем, решительно тряхнув головой и до крови закусив губу, развернулся и пополз обратно в глубь дымного облака изредка разрубаемого всплесками пламени, туда, откуда только что выбрался.

Арматурина легко скользнула из рукава. Сашка поводит плечами вперед-назад, разминая мышцы, готовясь к рукопашной. Ну, выбегайте же, я жду!

Край тлеющей портьеры вздрогнул, в него вцепилась изнутри чья-то рука. Ага, не нравится огонек, мразь черножопая! Ну иди сюда, сейчас тебе еще больше не понравится! Дрожащий от возбуждения Сашка подскочил поближе к окну, заноса для удара железный прут. В ушах гремело:

У них нет права на то, чтобы видеть восход!

У них нет права вообще на то, чтобы жить!

Убей!!! «Только не бздеть! Это не страшно! Только не бздеть!!!» Угол портьеры отлетел в сторону, показалось смуглое горбоносое лицо. Сашку черный то ли не заметил совсем, то ли принял за случайного зеваку. Не обращая на него внимания, согнулся в три погибели, подставляя под удар напряженную спину. Он кого-то пытался вытащить из объятых пламенем зала. Убей!!! Арматурина на миг замерев в верхней точке замаха, рассекая наполненный жаром воздух, пошла вниз. Удар пришелся черному в шею у самых плеч, заставив его сунуться головой вперед и опуститься на колени. «Ага, сука!!!» – в упоении победы взревел Сашка, вновь замахиваясь. Черный не попытался бежать или как-то защититься от нового удара, с маниакальным упорством он продолжал тянуть из зала чье-то тело пока еще скрытое портьерой. Железный прут уже снова несся вниз, целя в голову беззащитному врагу. Рывок смуглых рук и портьера сползла тяжелыми складками в сторону, открывая того, кого ценой своей жизни спасал черный. Бледное искаженное лицо, разорванный беззвучным криком рот, разметавшиеся светлые волосы и бесстыдно задравшаяся юбка, высоко открывающая обожженные ноги. Та самая девчонка-официантка, на миг мелькнувшая в объятых огнем зале. И руку уже не остановить, тяжелый железный прут, просвистев в каком-то миллиметре от затылка черного, тяжело ударил поперек застывшего в маске невыносимой боли лица. Сашка почувствовал, как ломаются, сминаясь под железом хрупкие кости.

Последний воин мертвой земли...

Эйфория короткой схватки мгновенно схлынула. Арматурина выскользнула из бесильно разжавшихся пальцев. Черный, державшийся на пределе сил, в последнем порыве придвинулся чуть вперед своим телом закрывая девушку. Так они и лежали, сплетаясь в каком-то извращенном объятии. Белое и смуглое тела, щедро окропленные красным. А над этой сюрреалистической группой стоял впавший в ступор Сашка. «Что же это? Как же так? Я не хотел!!!» – отчаянно билась мысль. Все было не так! Все было несправедливо, просто жутко неправильно! Разве он шел сюда, чтобы убить черного, спасающего из огня девушку?! Он шел, чтобы принять бой с жестоким и злобным врагом, не имеющим права жить. Он был Витязем, последним воином, принимающим бой с темной силой. А что вышло на самом деле? «За что ты убил меня?» – где-то глубоко внутри с печальным укором произнес тихий женский голос. Все поплыло перед Сашкиными глазами, завертелось диким хороводом, и мягкий теплый асфальт бережно и уютно ткнулся ему в лицо. «Что со мной? Я умираю?» – вяло и совсем нестрашно мелькнуло в голове. И будто в подтверждение что-то ворохнулось в груди, вначале слабо, а затем все настойчивее забилося. Что это? Сердце? Вот так оно останавливается, не в силах пережить содеянного? Нет, не сердце... На секунду уплывающее сознание прояснилось. Ах да, это же мобильник! Сигнал к отходу. Куда теперь идти? Зачем? Но кто-то уже тормозил безвольное Сашкино тело, не давая уйти в спасительную черноту забвения. Грубые пальцы вырвали из ушей наушники, вернув мир окружающих звуков. Где-то, пока еще далеко, перекликаясь выли сирены, и дрожал на одной высокой ноте истошный женский визг.

– Чего разлегся, урод?! Ходу! Ходу!

Жесткий пинок по ребрам, потом чужие сильные руки вздернули его в воздух, как нашкочившего щенка и куда-то поволокли. Окончательно сознание вернулось лишь на заднем сиде-

нии мчащейся по лабиринтам дворов и подворотен «Газели», вместе с ним пришел и жестокий рвотный спазм. Сашка хрипел и булькал, свесив голову в проход между сиденьями, извергая, казалось не только содержимое желудка, но и сами внутренности. «Ничего, ничего, по-первости такое бывает...» – добродушно приговаривал инструктор, хлопая его по плечу.

Директор филиала компании «РусОйл» Александр Збруев, холеный мужчина лет сорока с импозантной сединой на висках и твердым волевым подбородком всегда ощущал себя хозяином жизни. Действительно, он занимал в компании достаточно высокий пост, его ценило руководство, и уважали подчиненные. Высокая зарплата и солидный пакет акций компании обеспечивали уровень жизни по высшему классу. Он уверенно и смело смотрел в будущее, твердо зная, что оно не таит в себе никаких препятствий, с которыми он не смог бы справиться. По крайней мере так было до сегодняшнего дня. Сегодня же он интуитивно почувствовал серьезную угрозу для себя. И она была тем страшнее, что исходила совсем из другого мира, не менее жестокого, чем мир большого бизнеса, но чужого и от того непонятного и страшного. А началось все с обычного телефонного звонка. Он прикрыл глаза, вновь во всех деталях прокручивая в памяти состоявшийся разговор.

– Александр Дмитриевич? Простите, что отрываю Вас от дел. Но нам с Вами срочно необходимо встретиться, – голос в трубке звучал вкрадчиво и заискивающе.

– Не понял, кто говорит?

– Простите, не представился. Меня зовут Георгий Сергеевич. Я представляю патристическую организацию «Русские волки».

– Сожалею, но мы не оказываем спонсорскую помощь. Особенно организациям такого толка как Ваша, – не удержался от колкости Збруев. – Это один из принципов компании. Так что не вижу, чем могу быть полезен.

– Вы поторопились зачислить меня в просители. Речь вовсе не идет о спонсорской помощи, хотя она, конечно, не помешала бы. Я хотел бы поговорить о Вашей семье...

– Я не понимаю. Какое Вам дело до моей семьи? – чувствуя, как начинает закипать, резко оборвал собеседника Збруев. – Что за намеки?!

– Никаких намеков, – сразу построжал голос телефонного визави. – Я хотел бы поговорить о Вашем племяннике Александре Збруеве младшем. Он уже полгода является активным членом нашей организации. И недавно у него возникли неприятности...

– Кто? Сашка, член вашей организации? Бросьте! Не смешите, меня!

– Тем не менее, это факт, – сухо отрезал голос.

«Пороть!» – мелькнуло в голове директора. «Пороть как сидорову козу малолетнего придура! Это надо же такое выкинуть!»

– Теперь нам необходимо встретиться и сообща решить, как помочь парню, – продолжал тем временем. Георгий Сергеевич.

– Что-то серьезное произошло?!

– Это не телефонный разговор. Вы ведь сегодня, как всегда обедаете в «Венеции». Вот и отлично! Постарайтесь приехать туда один, там мы все и обсудим.

Осведомленность собеседника о его привычках неприятно кольнула директора, но он справился с собой и постарался вежливо закончить разговор:

– Хорошо, буду ждать. Время моего обеда, полагаю, Вам известно.

Ответом ему был тихий смешок и гудки отбоя.

Подумав минуту Збруев с силой утопил клавишу селектора, и, не дожидаясь кокетливого «К Вашим услугам, Александр Дмитриевич», к чему сам приучил секретаршу Людочку, рявкнул:

– Начальника службы безопасности ко мне. Пулей!

– Сию минуту, Александр Дмитриевич, – проворковала Людочка.

Начальником службы безопасности в филиале работал отставной майор ФСБ, обладавший массой полезных связей и практически неограниченными агентурными возможностями. Платили ему, с точки зрения Збруева, просто бешенные деньги и, что самое обидное, практически задаром. Как правило, никаких происшествий требующих вмешательства службы безопасности в филиале не происходило. Как и большинство дилетантов в области обеспечения охраны, Збруев считал, что это отсутствие происшествий достигается как-то само собой, и в упор не видел напряженной, кропотливой, а порой и опасной работы, которой оно стоило. «Пусть разок приподнимет жирную задницу со стула. Чай не переломиться!» – злорадно думал Збруев в ожидании начальника СБ.

Отдельная кабинка в «Венеции» отгороженная от общего зала занавесью из наборных деревянных бус давно не видела такой странной пары за обеденным столом. Збруев с выраженным неудовольствием окинул взглядом человека назначившего встречу – черт, надо же было так вырядиться, только повязки со свастикой не хватает, а так вылитый эсэсовец. Впрочем повязку с успехом заменяли изящные золотые свастики на запонках, торчащих из под черного френча манжет рубашки. Дополняли наряд кавалерийские галифе, заправленные в до зеркального блеска начищенные хромовые сапоги. Клоун, прости Господи! И этот человек еще пытается о чем-то серьезном с ним говорить.

Демонстративно проигнорировав протянутую для рукопожатия руку, Збруев лишь коротко кивнул в знак приветствия.

– Георгий Сергеевич, я полагаю?

– Именно, именно... Это я просил Вас о встрече...

– Тогда прошу, переходите к делу. У меня не так много времени, – буркнул Збруев, сверля напряженным взглядом ничуть не обескураженного холодным приемом собеседника.

– Итак, Александр Дмитриевич, как я уже говорил, Ваш племянник является одним из активных членов нашей организации. Вот кстати и доказательства моих слов.

На стол перед Збруевым карточным веером легли красочные цветные фотографии. Все еще хмурясь, при мысли, что будет случайно замечен в такой компании кем-нибудь из знакомых, Збруев неспешно потянулся за снимками и принялся их рассматривать. Да – сомнений быть не могло. Он сразу узнал Сашку. Вот он в компании таких же бритоголовых юнцов на каком-то митинге, что-то выкрикивает, тряся кулаком, вот он же, рука вскинута в нацистском приветствии... Еще фотографии, еще...

– Ладно, я Вам верю. И что же дальше, Вы говорили о каких-то проблемах?

Собеседник, прежде чем ответить, оценивающе глянул в глаза Александра Дмитриевича и, аккуратно собрав фотографии в стопку, сунул ее во внутренний карман. Збруев невольно обратил внимание на бледные ухоженные кисти его рук, на правой синела полустертая неумелая татуировка: «Лис».

– Детское баловство, – перехватив его взгляд, пояснил Георгий Сергеевич. – Так вот, Александр Дмитриевич, основная проблема в том, что наше движение находится на переднем крае борьбы за спасение нации. Ведь Вы не станете отрицать, что русский народ в настоящее время переживает глубокий национальный кризис? Я не буду углубляться в анализ внутриполитической и международной ситуации, Вы, безусловно, не хуже меня понимаете, что мы живем в критический момент истории, когда решается быть или не быть русской нации как таковой. Поэтому я предлагаю Вам посылно поучаствовать в нашей борьбе, внести так сказать вклад...

– Я же предупреждал – денег не будет! И то, что вы смогли запудрить мозги моему племяннику, еще не значит...

Георгий Сергеевич на протяжении этой гневной отповеди лишь укоризненно качавший головой неумовимым жестом фокусника выложил на стол еще одну фотографию. На ней рос-

лый бритоголовый парень что-то швырял в стеклянную витрину. И парень выглядел вполне узнаваемо, несмотря на легкую размазанность фигуры из-за быстроты движения. В углу приоткрылись цифры времени и даты. Снимок сделали вчера в девятнадцать часов тридцать одну минуту.

– Что это? – слегка охрипшим голосом произнес Збруев, хотя уже прекрасно понял и что, и почему ему показали это. Сообщение о поджоге и погроме в ресторане «Альбатрос» было новостью дня и постоянно комментировалось в газетах и на местных телеканалах.

– А Вы приглядитесь внимательнее, особенно к интерьеру, так сказать. Узнаете? Правда, забавное фото? – явно издеваясь, посоветовал Лис.

С минуту Збруев внимательно изучал фотографию, потом, брезгливо сморщившись, отбросил ее от себя.

– Монтаж? – неуверенно предположил он.

Георгий Сергеевич в ответ лишь расплылся в широкой улыбке. Нет, конечно, никакой не монтаж, слишком уверенно держится этот фашист. Понимает, что все козыри сейчас у него. Попади этот снимок в правоохранительные органы и Сашке мало не покажется. Вся милиция и областное ФСБ, наверняка, со вчерашнего вечера землю носом роют в поисках виновников происшествия прогремевшего даже в федеральных новостях. А тут такая шикарная возможность! Ухватятся сразу, а ведь, как смутно вспоминается из виденной с утра передачи там несколько человеческих жертв. Отмерят парню на полную катушку.

Эх, Сашка, Сашка... Как же ты так влип-то, парень? Как вообще мог такое сотворить? Хорошо, покойный отец не видит этого... Збруев на секунду прикрыл глаза, вспоминая погибшего несколько лет назад в автомобильной катастрофе младшего брата. Они всегда были очень близки, рано потеряли умершего от рака отца и с тех пор Александр, почувствовав себя старшим мужчиной в семье, как мог заботился о младшем братишке, всячески его поддерживал и помогал. К Сашке он относился как к родному сыну, своих-то детей Бог не дал, да он и не стремился к обзаведению семьей. Сначала все не до этого было, крутился не жалея сил, из кожи вон лез, лишь бы заработать достаточно денег – обеспечить себя и старушку мать с младшим братишкой. А потом уже как-то не получалось, то ли женщины достойной не попалось, то ли не смог ее вовремя разглядеть, только ни с одной из многочисленных подруг ничего серьезного так и не сладилось. А разменяв пятый десяток искать спутницу жизни Збруев посчитал глупым и смешным. Так что Сашка – родная кровь, оставался единственным и любимым наследником, а может быть, как он в тайне надеялся, и продолжателем его карьеры в компании.

Теперь всем мечтам и планам приходил конец, жизнь недрогнувшей рукой внесла свои жесткие коррективы. Видно, где-то не доглядел, слишком много времени отдавал работе. Лишь баловал парня деньгами да подарками, а того чтобы поговорить по душам, разобраться как живет, да чем дышит, все времени не хватало. Вот теперь будет тебе время, старый осел! Лет пятнадцать влупят любимому племяннику, на свиданках обо всем наговоритесь. Так, стоп! Только не сдаваться, не впадать в панику! Улыбчивый фашист напротив, принес снимки мне, а не в милицию, да и в милицию ему пойти не просто – наверняка ведь Сашка оказался там по их приказу, значит им самим не в масть обнародовать этот факт. Так что еще не все потеряно, еще потрепыхаемся! Только спокойно, Саня, спокойно. Мысленно досчитав до десяти, Збруев открыл глаза и холодно глянул в блеклые бельма фашиста.

– И что теперь нужно от меня?

– А Вы хорошо держитесь, – уважительно прокомментировал собеседник. – Умения держать удар Вам, я вижу не занимать. Ну что ж, мы с Вами разумные люди и всегда сможем договориться. Только, я Вас умоляю, не зависимо от исхода переговоров, не надо давать команду Вашим мальчикам из СБ разбирать меня на части. Не люблю, знаете ли, насилие. Да и негативов у меня при себе естественно нет.

– Да, да... – продолжил Георгий Сергеевич, поймав наигранно непонимающий взгляд Збруева. – Я имею в виду тех ребяташек в бежевой «шестерке» на другой стороне улицы.

Збруев с усилием сглотнув, утвердительно кивнул, признавая свой прокол и мысленно матеря последними словами отставного фээсбэшного майора, не сумевшего даже толково организовать наружное прикрытие.

– Итак, я уже говорил, мы ждем от Вас посильного вклада в дело нашей борьбы...

– Короче, сколько?

Георгий Сергеевич огорченно покачал головой с видом английского лорда удрученного бестактностью собеседника и вытянув из внутреннего кармана простую шариковую ручку быстро написал на салфетке цифру с многими нулями.

– Да Вы с ума сошли?! Откуда столько!

– Соберете, Александр Дмитриевич, соберете, – успокаивающе закивал собеседник. – На святое дело жалеть презренный металл нельзя. Если бы сумма была нереальной, мы бы ее не просили. Мы же серьезные люди, Вы удивитесь, если я скажу, как долго наши финансисты изучали Ваше материальное положение, прежде чем я обратился с этой просьбой. Хотите, подскажу Вам номера счетов, с которых можно взять эти деньги?

Ручка вновь замелькала над салфеткой. В горле у Збруева неожиданно пересохло, и он жадно плотнул холодной минеральной воды из стоявшего на столе бокала.

– Но это не мои счета, это деньги компании. Я не могу распорядиться ими в личных целях.

– Ну что Вы, Александр Дмитриевич, как малое дитя, право слово. Ну возьмете займы у компании, потом погасите долг потихоньку, а с Вашим положением об этом и сообщать никому не потребуется...

Збруев при этих словах изругал себя последними словами, действительно это было бы реальным выходом и могло выгореть если бы... Это «если бы» всегда вмешивается в планы которые строит самонадеянный человек, полагающий себя не иначе как от врожденного слабоумия хозяином собственной судьбы. И в момент когда казалось бы все удалось и получилось как надо, маленькое и незначительное «если» в одночасье ломает и рушит все. Георгий Сергеевич – умный подлец, рассчитал правильно. И Збруев однозначно согласился бы, ради спасения любимого племянника он был готов и на большее, чем обворовать родную компанию, если бы... Если бы вместо заколки для галстука не висел сейчас на Александре Дмитриевиче миниатюрный радиомикрофон, гнавший по равнодушному эфиру все сейчас сказанное прямо под магнитофонную запись сидящему в дурацкой бежевой «шестерке» начальнику СБ.

Тяжело вздохнув и чувствуя, как одновременно постарел на десяток лет, Збруев покачал головой.

– Это невозможно. К тому же Вы блефуете. Если передать эту фотографию в органы, пострадает и ваша организация. Сашка ведь молчать не будет, а если и решит сыграть в героя, то там найдутся спецы его разговорить. Не то дело, чтобы скрупулезно блюсти законность...

– Да бросьте, никакого блефа, – вновь жизнерадостно улыбнулся фашист. – Исполнители – все молодняк, их не жалко, пусть пострадают за дело спасения нации. Мученики нам нужны. А про своих руководителей они не знают ничего, так что вывести ни на кого не смогут. Разве что сдадут адрес, где с ними работали, так там съемная квартира без оформления договора, к тому же срок уже выходит. Вот и все!

«Ну и паскудная же у него улыбка», – про себя подумал Збруев с кряхтением поднимаясь из-за стола. Почему-то даже это простое действие далось с трудом, напряженно покалывало сердце и, не поймешь с чего, накатила одышка, как после тяжелой работы.

– Я подумаю над Вашим предложением. Как с Вами связаться?

– Вообще-то со мной рекомендуют не связываться! Не плохой каламбур, правда? Я сам позвоню Вам, скажем дня через три...

- Через две недели, раньше мне не успеть.
- Уговорили, через неделю, – жестко отрезал фашист и отвернулся, показывая, что разговор окончен, и назначенный срок обсуждению не подлежит.

Беседа с начальником службы безопасности была тягостной и длилась уже, казалось Збруеву, целую вечность. Крепкий и коренастый как гриб боровичок, отставной майор буквально вымотал его, вопросам не видно было конца. Фээсбешника интересовало все, что хоть как-то связано с Сашкой: как учиться, с кем дружит, что предпочитает из еды и так далее. Самое неприятное, что никакого смысла в учиненном допросе Збруев не видел. Сразу после встречи в «Венеции» орлы из СБ попытались отследить шантажиста, но в очередной раз потерпели неудачу. Тот ушел от них, как от первоклассников, легко и непринужденно, воспользовавшись проходным двором, выведшим на другую улицу, где его видимо заранее ожидала машина.

Теперь Збруев с начальником СБ уже два часа ломали голову над планом Сашкиного спасения. Запрошенная сумма, если не воспользоваться теперь заведомо невыполнимым вариантом шантажиста, была нереальной. Даже продав все свое имущество Збруев не смог бы набрать необходимого количества денег. Вариант силовой акции против «Русских волков» тоже, не смотря на всю его соблазнительность, пришлось отбросить. Не было точных сведений о месте содержания негативов, а вычислять и штурмовать все конспиративные квартиры организации им явно не по силам. Один план действий сменялся другим, и все они тут же отбрасывались в виду явной фантастичности. В директорском кабинете уже было не продохнуть от висевших в воздухе клубов табачного дыма, а секретарша Людочка перетаскала совещающимся немислимое количество кофе.

Наконец, раскрасневшийся от продолжительного мозгового штурма, начальник СБ, с видом человека на что-то решившегося после долгих колебаний, хлопнул директора по плечу и с неожиданной фамильярностью заявил:

– Знаешь, Митрич, пока все это бесполезно. Ничего при таком раскладе мы не сделаем. Нужно выиграть время. Провести разведку, пощупать так сказать противника вплотную, найти слабые стороны, а уж потом что-то предпринимать. Ты ж пойми, это же не наш контингент, мы все больше на уголовников да бандитов ориентируемся, а эти то политические... Мы по таким и не работали никогда. Так что тут надо внимательно жалом поводить, пораспрашивать знающих людей, пощупать...

– Много ты за неделю нащупаешь! – оборвал его Збруев.

– Так и я о том! – подхватил отставной фээсбешник. – Время нам нужно! А значит недели мало, сечешь? Твой оболтус должен на время исчезнуть, лучше всего вообще из страны. Смысл его сдавать, если он неизвестно где, и к ответственности его не привлечешь? Надо его отправить куда-нибудь подальше, и не в турпоездку, а так, чтобы он здесь как минимум три-четыре месяца не отсвечивал.

– Ну и куда я его отправлю на такой срок? Может прикажешь ему квартиру в Париже купить? Так тогда легче заплатить, дешевле выйдет. Да еще ведь и документы на выезд надо суметь за неделю оформить...

– В Париже не надо, – задумчиво протянул начальник СБ. – А вот страна такая есть в Африке, Экваториальная Дагония, не слыхал? Вот туда в самый раз будет.

Збруев посмотрел на майора, как на умалишенного. Что, мол, за бред ты несешь? На солнышке перегрелся? Но начальник СБ, ничуть не смутившись, продолжал:

– Ты просто не в курсе. Это по нашей линии информашка проходила из Москвы, с центрального офиса. Требуется молодые спортивные мужчины для работы в новом филиале компании в этой самой Дагонии. Там вроде как нефти до черта, а разработку ведут америкашки, причем без особого размаха, вот наши и пытаются у них кусок оттяпать. Ну там требования к кандидатам, по здоровью в основном, и зарплата довольно высокая. А отбор проводит один

мой бывший коллега, он сейчас в нашей московской СБ пашет. Так что это как раз вариант. Поедет в Африку, там его сам черт не найдет, не то что эти траханые фашисты. А мы пока здесь подумаем, что можно сделать. В любом случае хоть время давить не будет. Да и при самом худшем раскладе достать его из Африки сложновато. В крайнем случае, попросит политического убежища, там президентом какой-то людоед, вчера с пальмы, за пару штук зеленых самому дьяволу убежище предоставит. Ну, как тебе?

Збруев думал. Как-то сомнительно все это звучало, по-детски: Африка, экзотическая страна, непонятный филиал... Но с другой стороны ничего больше придумать все равно не удалось. А чем черт не шутит, может и правда все получится. Ну поработает Сашка в этом филиале с полгода, это даже полезно, жизненный опыт и все такое...

– Ладно, согласен.

Казанский вокзал оглушил непривыкшего к бурному ритму столичной жизни Сашку, он бестолково озирался, пробиваясь сквозь плотную толпу спешащих куда-то людей, чувствуя себя абсолютно потерянным в этом потоке. Москва встречала его удушающей бензиновой вонью и хмурым небом, низко нависшим над головой. Впрочем ему было все равно. После событий в «Альбатросе» и бурного разговора с дядей Сашка впал в какое-то отупелое состояние, из которого ничто не могло его извлечь. Его абсолютно не взволновало известие о необходимости срочного отъезда в далекую чужую страну, он как сторонний наблюдатель, которого все это абсолютно не касается, следил за торопливыми сборами в дорогу, вполуха слушал причитания матери, которую дядя не считал нужным посвятить в причины столь скоропалительного бегства из родного города. Весь мир как бы поблек и потерял реальность, все происходящее за последние дни казалось лишь дурным сном. Реальным было только бледное лицо девчонки-официантки с широко распахнутыми в ожидании удара глазами. Это лицо не отпускало, все время всплывая перед мысленным взором, и голос, тихий печальный голос повторяющий одну и ту же фразу: «За что ты убил меня?» Сашка понимал, что он элементарно сходит с ума, что и лицо девушки и голос, которого он никак не мог слышать раньше ни что иное, как плод его воображения. Но, несмотря на это понимание, видение не делалось менее реальным.

Резко встряхнув головой, он попытался отвлечься от невеселых мыслей. В конце концов, сюда он приехал не отдыхать, а работать и, прежде всего, следовало позвонить по телефону, что перед отъездом передал крепко сбитый хмурый мужик. Сашка смутно помнил, что встречал его у дяди на работе, вроде бы он там заведовал службой безопасности. Присев на кстатки подвернувшуюся скамейку, Сашка быстро натыкал на мобильнике телефонный номер. Трубку сняли почти сразу.

– Это Александр Збруев, меня просили позвонить...

– Ты где сейчас? – прервал его резкий начальственный голос.

– На Казанском.

– Иди к справочной и жди там, к тебе подойдут.

В голосе звучали такие энергичные и ярко выраженные командирские нотки, что Сашка непроизвольно расправил плечи и даже хотел ответить что-то вроде рубленного армейского «Есть!», но трубку уже положили.

Найти справочное бюро оказалось не так трудно, как он ожидал, и вскоре Сашка уже занял позицию рядом с окошком, спиной облокотившись о стену и наблюдая за снующими туда сюда людьми. Минут через двадцать из суетливой толпы вынырнул невысокий бритый наголо парень в линялой камуфляжной куртке, на рукаве красовался затертый шеврон с белым волком. Эмблема была явно армейской, но однозначно не русской, Сашка краем глаза успел разглядеть надпись сделанную вроде знакомыми буквами, но совершенно не читающуюся. Коротко зыркнув по сторонам лысый уверенно направился к Сашке.

– Збруев?

– Да, я.

– Иди за мной.

Вот так, ни «здравствуйте», ни «как доехали?», топай и не отставай. Кстати, даже просто не отставать оказалось сложно. Прибывший за ним посланец, двигался в толпе с врожденной грацией столичного жителя, и поспеть за ним непривычному провинциалу было не легко. Нырнув в подземный переход и оказавшись на другой стороне площади, они свернули в какие-то дворы и, протопав в полнейшем молчании, еще минут десять подошли к потрепанному «пассату» за рулем которого сидел коротко стриженный мужчина лет тридцати – тридцати пяти. Провожатый показал кивком, что Сашка должен сесть на переднее сиденье, сам же нырнул назад.

– Збруев? – стриженный оценивающе осматривал его и видимо был не слишком доволен результатами своих исследований, причем даже не пытался скрыть этого хотя бы из вежливости.

Сашка только кивнул в ответ, тоже изучая, человека за рулем. Он сразу узнал по голосу говорившего с ним по телефону и интуитивно понял, что именно сидящий сейчас перед ним хмурый мужчина будет теперь его начальником.

– Меня зовут Бес, – прервал затянувшееся молчание стриженный. – Так и обращайся. Поступаешь в мое распоряжение с этой минуты. Все мои приказы выполнять беспрекословно, точно и в срок. Понятно?

Сашка торопливо кивнул.

– Еще, чтобы сразу внести ясность, я не в восторге от перспективы иметь незнакомого мне подчиненного. Но выбора у меня нет. Относиться к тебе буду также как к остальным, по справедливости. Посмотрим, как себя покажешь. Вот этого перца в камуфляже зовут Кекс. С остальными познакомишься позже. Тебя теперь будут звать Студент. Ясно?

– Почему Студент? – заикнулся было Сашка, слегка напуганный и обескураженный таким приемом.

– Ты же у нас в университетах обучаешься, вот и будешь Студентом. Или есть какие-то возражения?

– Да нет, просто...

– А раз нет, тогда поехали нечего время терять.

«Пассат» фыркнув мотором, покатился к выезду из двора, увозя Сашку в одно мгновение ставшего Студентом в новую незнакомую жизнь, из которой уже не будет возврата. Но тогда Сашка еще не знал об этом и захваченный необычностью происходящего исподтишка рассматривал своих новых товарищей, даже забыв на какое-то время о горестных событиях столкнувших его с ними. Правда, новых впечатлений победивших черную меланхолию безраздельно державшую его в плену последние дни хватило не надолго, и вскоре Сашка вновь погрузился в пучину полнейшей апатии, безразлично, как заведенный автомат, выполняя команды которые отдавал хмурый мужик назвавшийся Бесом. А команд было изрядное количество, поскольку день прибытия для новичка выдался довольно напряженным.

Первым делом «пассат» ловко маневрируя в дорожном потоке, рванул на Кутузовский, где припарковался у нарядного офисного здания. Здесь собственно и располагалась приемная посольства Экваториальной Дагонии. Затащив Сашку в кабинку моментальной фотографии и быстро отщелкав несколько карточек ничуть не заботясь о презентабельности внешнего вида фотографируемого, так что на фото Сашка смотрелся несколько диковато, примерно как портреты на стендах «Их разыскивает милиция», Бес, буквально волоча подчиненного за руку, ураганом влетел в приемную посольства. Что там происходило дальше Сашка запомнил плохо, все плыло как в тумане и быстро вертелось, сменяя кадры перед глазами с калейдоскопической быстротой: мелькали молоденькая негритянка в деловом костюме, но с умопомрачительным разрезом на юбке и какая-то вполне европейского вида девица с явно силиконовыми гру-

дями и накачанными коллагеном губами, потом их сменил пожилой негр. Все что-то говорили, то по очереди, то вместе, так, что смысл фраз ускользал от воспаленного рассудка Сашки, и лишь единичные бессмысленные реплики цеплялись за подкорку мозга: туристическая виза, анкета на французском, консульский сбор... В итоге он по команде Беса поставил несколько закорючек весьма отдаленно напоминающих его обычную размашистую подпись на поданных губастой девицей бумагах, и был в том же бешеном темпе выдернут из лабиринта кабинетов с евроотделкой и заброшен обратно на заднее сиденье прокуренного нутра «пассата» больно стукнувшись о жесткое плечо меланхолично дымящего сигаретой Кекса.

Дальше вновь долгое петляние по забитому пробками напоенному смогом сгоревших бензиновых выхлопов городу и следующая остановка около обшарпанной пятиэтажки, однако первый этаж покосившейся хрущевки неожиданно оказался сияющим белизной и стерильностью, вроде там помещалась какая-то частная клиника. Хотя точно Сашка бы ни за что не поручился, так как вновь был увлекаем чуть ли не силой с космической скоростью перемещавшимся в пространстве Бесом. Здесь какой-то бодрый старикан в белом халате имевший слегка кариатурный вид чеховского доктора и в довершение впечатлений обращавшийся к Бесу исключительно «батенька», взбудрил все глубже проваливавшегося в ступор Сашку несколькими уколами пояснив между делом, хотя его никто не спрашивал, что это прививки, без которых в Африке сразу наступит что-то страшное с длинным латинским названием.

На этом, слава Богу, постприездная круговерть вроде закончилась и Бес, удобно устроившись за рулем, объявил, что экипаж направляется на базу. Базой оказалась скудно обставленная четырехкомнатная квартира на шестом этаже блочной многоэтажки.

– Вот твоя койка, можешь пока отдыхать, – Кекс провел Сашку в дальнюю комнату, все убранство которой состояло из выдавшего вида обшарпанного шкафа и двух металлических армейских коек с панцирными сетками укомплектованных по стандартному казарменному образцу: продавленными матрасами, казенными синими одеялами с тремя полосками и грязно-желтыми пыльными подушками.

– Туалет и ванная в коридоре, там кухня. Если захочешь есть, можешь брать все, что найдешь в холодильнике. В конце коридора общая комната, там телевизор. В других комнатах тоже живут люди, без дела туда не ходи. Если что-нибудь понадобится, моя комната вон та. Еще что-нибудь нужно?

– Да нет. Все ясно. Спасибо.

Молча кивнув головой, Кекс зашлепал по коридору к двери выкрашенной в цвет когда-то бывший белым, а Сашка, даже не потрудившись разуться, завалился на протяжно скрипнущую под его весом кровать и закрыл глаза. Он и не предполагал, как сильно устал за этот такой длинный и суматошный день, но лишь прикрыв глаза, тут же почувствовал, как проваливается в вязкую черноту тяжелого беспокойного сна, где то и дело всплывало из небытия искаженное страхом и болью девичье лицо.

Разбудил его тихий перебор гитарных струн, несшийся из-за неплотно прикрытой двери, и приятный мелодичный мужской голос, удивительно красиво выводивший слова незнакомой песни. В наполовину прикрытое шторой окно уже заглядывали любопытные звезды.

Ты вернешься за полночь, когда все дрыхнут в чумной стране,
Дело пахнет осиной – вервольф, ты должен остаться извне.
Последний твой серый брат собрал манатки и был таков,
Здесь никто не вспомнит тебя, никто не узнает тебя в лицо
До броска и молнии твоих зрачков.

И то, что ты остался извне – это уже хорошо —
Жить по полной луне...

А все, что было, брось на дальнюю полку,
Сдай в спецхран на тысячу лет.
Браво, парень – ты становишься волком,
Браво, парень – ты выходишь на след!

Сашка жадно вслушивался в странные, вроде бы без особого смысла подобранные и кое-как скомпонованные слова песни, с удивлением ощущая, как они ровно, будто удачно подобранные кирпичики в компьютерном тетрисе ложатся внутри его души, заполняя собой сосущую пустоту, вытесняя страх и боль. «А все, что было, брось на дальнюю полку», – тихонько подпел он невидимому певцу, понимая, что тот поет сейчас о нем, о Сашке, что каким-то волшебным образом, он смог проникнуть в глубину Сашкиных страхов и переживаний и изложить все это в песне, одновременно указав путь к спасению. Осторожно, чтобы не дай Бог не потревожить, не прервать этого чуда, стараясь двигаться как можно беззвучнее, Сашка встал с дребезжащей кровати и двинулся к выходу в коридор.

И то, что ты готов на прыжок – это уже хорошо —
Жить по полной луне...
Вытри слезы – ведь волки не плачут,
Ни к чему им притворяться людьми.
Завтра снова полнолуние – значит
Ты вернешься, чтобы вернуть этот мир.

Песня доносилась из комнаты в конце коридора, бритый парень по прозвищу Кекс называл ее общей, припомнил Сашка, осторожно на цыпочках двигаясь в ту сторону. Вскоре он уже смог разглядеть полоску света, выбивавшуюся из-под двери. Отчего-то в последний момент, уже положив ладонь на дверную ручку, Сашка слегка оробел и лишь нешуточным усилием воли заставил себя ее повернуть.

Пел худощавый черноволосый мужчина, удобно устроившийся в мягком кресле, чуткие нервные пальцы обманчиво легкими движениями ласкали струны, полузакрытые глаза смотрели куда-то внутрь себя, абсолютно погруженные в процесс рождения нот и звуков ничего вокруг не замечающие. Рядом за уставленным продуктами и бутылками столом, заморожено глядя на певца, замерли уже знакомые Сашке Бес и Кекс, а между ними еще какой-то новый здоровый и скуластый с длинными спутанными волосами, прихваченными широким брезентовым ремешком.

Браво, парень, ты не грустен нисколько.
Завтра в дальний путь, а пока —
Все по плану: ты становишься волком,
Ты знаешь все, что нужно в жизни волкам.

Последний аккорд с тихим звоном растворился в воздухе, но еще какое-то время за столом не прозвучало ни слова, никто не сделал и намека на жест – слушатели старались продлить рожденное песней впечатление. Потом все как-то одновременно задвигались, загалдели, потянулись к небрежно вскрытым банкам с тушенкой и граненым стаканам.

– О, а вот и наш новичок! Продрал наконец глаза, соня! – воскликнул Бес, первым обративший внимание на застывшего на пороге Сашку. – Знакомьтесь, парни, это вот чудо теперь, пока по крайней мере, состоит в наших рядах. А зовут его – Студент!

– Самурай, так меня здесь называют, – пробасил незнакомый здоровяк. – Топай к столу, у нас как раз дружеский ужин.

– Маэстро, – коротко кивнул головой черноволосый певец. – А позволь полюбопытствовать, это не свастика ли вытатуирована у тебя на шее?

После этих слов все как-то разом замолчали и четыре пары глаз пристально уставились на Сашкину шею, причем царившая в комнате непринужденная застольная атмосфера как-то разом загустела и стала явно напряженно-наэлектризованной, что ощущалось даже на физическом уровне. В этот момент Сашка горько пожалел о том дне, когда по примеру остальных своих товарищей решился наколоть символ «Русских волков». Не зная, как себя вести в этой непростой ситуации, он просто молча выжидал, что же будет дальше, надеясь, что ничего страшного с ним не произойдет, в самом деле, мало ли у кого какие наколки могут быть. Неловкость ситуации попытался сгладить Бес:

– Ну свастика и свастика. Парень раньше состоял в какой-то националистической организации, вот и набил себе эту гадость из форсу и баловства. Никакого значения это не имеет.

– Говоришь никакого значения? – голос Маэстро звучал почти ласково, и от этой нарочитой ласковости у Сашки почему-то кожа враз покрылась мурашками. – А по-моему это имеет очень даже большое значение. Все вы знаете, что я наполовину еврей, и мне вовсе не улыбается получить пулю в спину от возомнившего себя сверхчеловеком недоноска. Я понятно излагаю?

– Я между прочим тоже не ариец, – одобрительно прогудел Самурай, черты лица которого, как теперь ясно видел Сашка, однозначно свидетельствовали о принадлежности к монголоидной расе.

Кекс откинулся на стуле в углу так, чтобы тень от стеллажа с книгами полностью закрыла его лицо, не позволяя по нему определить отношения к поднятой теме, и с интересом наблюдал за развитием событий. Сашка стоял посреди комнаты ни жив, ни мертв, не зная куда деваться от ненавидящего взгляда Маэстро, он всем своим существом чувствовал, что дело идет к драке. Точнее к избиению, потому что весь вид Маэстро, кошачья пластика движений, не смотря на довольно субтильное телосложение, холодный уверенный взгляд и внушающие уважение стертые костяшки кулаков, ясно говорили Сашке, что он со всей своей подготовкой на базе «Русских волков» не имеет и малейшего шанса выстоять против черноволосого певца с примесью еврейской крови. Судя по тому, как дерзко и вместе с тем брезгливо, будто насаженного на иголку отвратительного паука рассматривал Сашку Маэстро, ему это тоже было совершенно ясно.

– Ну так что ты нам расскажешь про отношение к недочеловекам? – все так же обманчиво дружелюбно проворковал Маэстро поднимаясь из кресла и делая шаг к Сашке.

Тот весь сжался в ожидании первого удара, твердо решив, не смотря на явный перевес противника, защищаться до последней возможности. Но в этот момент когда, казалось, уже ничто не может остановить драку, прозвучал громкий хлопок ладоней и в мгновенно воцарившейся в комнате удивленной тишине спокойный и какой-то бесцветный голос Беса произнес одно лишь слово:

– Отставить.

Удивительно, но этого вполне хватило: Маэстро, ощутило расслабившись, вновь опустился в кресло, Самурай медленно убрал руку с горлышка полупустой бутылки водки, а Кекс, в очередной раз качнувшись на стуле, положил руки на стол.

– Значит так, – голос командира был тих, спокоен, но будто пронизан звенящими струнами предельного негодования. – В моей группе никаких трений по национальному признаку быть не может. Здесь работают профессионалы, и судят о людях по их профессиональным навыкам, а не по цвету кожи. В моей группе у всех равные права и обязанности будь они арийцы, евреи или эскимосы. Это всем понятно?

Бес медленно обвел присутствующих тяжелым взглядом, и, встречаясь с его глазами, тертые и битые жизнью парни опускали головы как провинившиеся школьники. Лишь Маэстро

попытался упрямо вскинуть подбородок, но, не выдержав характер до конца, все же отвел взгляд, вызвав у Беса короткую кривую усмешку.

– Хорошо. Выходит, все поняли, и никто не возражает. Так? А если так, то с сегодняшнего дня Студент член нашей группы и все, что было с ним до этого, никого не волнует. Плох он или хорош, увидим в деле. А ты, – жесткий как ястребиный коготь указательный палец уперся в Сашкину грудь. – Тоже запомни накрепко. На время работы в моей группе у нас у всех одна национальность, и не дай тебе Бог выдвигать здесь идеи о чистоте расы.

Сашка быстро закивал соглашаясь.

– Тогда проходи к столу, продолжаем ужин.

Сашка вновь торопливо кивнул и постарался пристроиться на углу стола, как можно дальше от Маэстро и Самурая. К его большому удивлению последний вполне добродушно подмигнул ему и протянул запотевший стакан водки с очень даже миролюбивым предложением:

– Ну, давай за знакомство, Студент.

Водка обожгла горло, огненным шаром свалившись в желудок, на какое-то время раскрепостив мозг, и сделав сидящих рядом лучшими друзьями и вообще умнейшими и все понимающими людьми. И лишь случайно пойманный боковым зрением короткий ненавидящий взгляд Маэстро подпортил впечатление от знакомства с новыми коллегами. Сашку действительно сильно расстроил тот факт, что из-за дурацкой наколки ему не удалось не то что подружиться, а даже просто поговорить с исполнителем столь тронувшей его песни. А ведь Сашке так о многом хотелось его расспросить...

* * *

И снова монотонный изматывающий бег по тропическому лесу. Маэстро, нагруженный в дополнение к своему снаряжению еще и прихваченным на блокпосту при выезде из города рюкзаком, который он пристроил на груди, тяжело дыша, прокладывая дорогу, своим телом пробивая проход в густых зарослях окружающих неприметную, скорее всего протоптанную местным зверьем тропку. Время от времени его подменял Кекс. То и дело сверявшийся с компасом Бес бежал следом, сейчас основной его заботой было выдерживать верное направление. Иначе очень легко можно начать кружить в незнакомом лесу, увеличивая и без того не близкую дорогу к границе, за которой их ждало спасение. О том, чтобы как-то скрыть свои следы они не заботились, справедливо полагая, что никакими ухищрениями не удастся сбить с толку идущих по пятам чернокожих охотников, по крайней мере, до тех пор, пока расстояние между ними и группой будет таким ничтожным. Студент и Ирина двигались в арьергарде. Студент уже слегка оправился от пережитого испуга и теперь старательно держал темп, напряженно пытая и даже норовя время от времени помогать девушке, впрочем, та презрительно отвергала его робкие попытки и держалась едва ли не лучше чем он сам. Замыкал небольшую группу Самурай, казалось он несколько не устал, а широкоскулое азиатское лицо выглядело даже довольным, лишь капли пота щедро усыпавшие высокий лоб и то и дело стекавшие по щекам выдавали усилия которых ему стоило поддерживать требуемую скорость.

Время от времени Самурай останавливался и натягивал поперек дороги крепкую зеленую нить из прятавшегося в кармане разгрузки мотка. Это должно было задержать уже раз попавшихся на растяжку преследователей. Конечно, об эффективности этой тактики судить было трудно, но самому Самураю она обходилась довольно дорого. Вынужденный останавливаться и потом вновь догонять ушедших вперед товарищей, двигаться постоянно в рваном ритме, Самурай дышал все тяжелее и тяжелее, а его ноги в икрах начали наливать противной тяжестью, так знакомой любому легкоатлету предвестницей полного отказа двигаться дальше. Наконец остановившись в очередной раз, Самурай остро глянул на часы и извлек из под сумки боевую гранату. Ф-1 удобно легла ребристым телом в развилку развесистого куста. Осторожно

разогнув усики предохранительной чеки, и чуть-чуть пропихнув их вперед, он потянул поперек тропы тонкую зеленую нить. Краткая передышка позволила слегка отдохнуть, пока пальцы механически делали привычную работу, он попеременно расслаблял мышцы ног, заставляя потоки крови вымывать набившуюся молочную кислоту. Через несколько секунд работа была закончена, пора догонять группу. До скрежета стиснув зубы, не обращая внимания на колотье в бок, Самурай припустил по протоптанному остальными беглецами следу и вскоре впереди замаячила красная майка Ирины, а чуть левее показался тяжело передвигающий ноги Студент. Отсутствие привычки к бегу с оружием делало свое дело. Студент всем телом наваливался на висевший на груди автомат и получалось так, что давящий на шею ремень пригибал его все ниже к земле, заставляя бежать в полусогнутом положении, причем отстающие от головы ноги запутывались в переплетении корней и переставлялись лишь за счет инерции летящего вперед тела. Того и гляди, не успеют и тогда их незадачливый владелец не слабо проедется по жирной грязи носом.

Самурай хотел было уже догнать и поправить бестолкового парня, как его отвлекла Ирина. Видимо долго уже державшаяся на последнем издыхании девушка с размаху села на землю. Прямо в гнилую жадно чавкнувшую жижу под ногами.

– Все, хоть стреляйте, хоть что делайте! Я больше не могу!

Самурай наклонился к Ирине, осторожно приподнял за подбородок упавшую на грудь голову, заглянул в чумазое покрытое грязными разводами лицо. Ответный взгляд был пустым и отрешенным, из-под полуприкрытых век плеснуло предельной усталостью и равнодушием. Самурай часто видел такие глаза у зеленых новобранцев и точно знал, как в таких случаях надо поступать. Вот только все эти рецепты были для мужчин и вряд ли годились для девушки. Заставят ли ее подняться привычные матюки и добрый пинок по пятой точке? Через руки Самурая в той, далекой жизни, прошло не мало молодых солдат, которые вот так же, не умея преодолеть себя, переступить через извечное «не могу», падали в твердой уверенности, что это предел, и никакая сила в мире не заставит уже их подняться. Бывший командир разведроты отлично умел их разубеждать, заставляя перешагнуть их же мозгом проведенную границу собственных сил, и по опыту знал, что из вроде бы полностью выжатого бессильного тела, можно выдавить еще едва ли не столько же усилий. Подумав, Самурай решил все же не рисковать и коротким жестом подозвал стоящего рядом, оперев руки в колени, Студента.

– Снимай ремень!

– Зачем?

– Увидишь. Ну, быстро!

Продев широкий брезентовый ремень под мышки, отнесшейся к этой процедуре с полным безразличием девушке и передав один конец непонимающе глядевшему на него Студенту, Самурай сильным рывком вздернул Ирину вверх, заставив встать на подгибающиеся ноги.

– Теперь потянули!

Подтягиваемая ремнем девушка невольно сделала шаг, затем второй, неверные заплетаются ноги слушались плохо, но безжалостный ремень заставлял их двигаться все быстрее и быстрее. Студент и Самурай тянули ровно и мощно и постепенно, войдя в ритм, заставили обессилившую девчонку двигаться почти в том же темпе как до падения. Вскоре они нагнали основную группу, остановившуюся в ожидании отставших. Окинув повисшую на ремне девушку недоброжелательным взглядом, Бес скривился как от зубной боли, но от комментариев воздержался. К тому же именно в этот момент позади раздался грохот взрыва. Нехитрый прием Самурая с оставлением позади безобидных ниток сработал как нельзя лучше, потерявшая бдительность погоня вновь нарвалась на растяжку. На какое-то время это должно было задержать преследователей. Вот только до оставленной в ожидании их гранаты они добрались очень быстро, слишком быстро.

– Девятнадцать минут, командир, – ответил на незаданный вопрос, глянувший на часы Самурай. – Очень быстро идут. Если ничего не придумать скоро они нас достанут.

Что последует за этим «достанут» объяснять никому было не нужно. Пленных в таких ситуациях берут редко, а учитывая то, что на группе достаточно крови преследователей, то судьба все же попавших в плен будет гораздо более незавидной, чем судьба погибших.

Кекс

Молодой посеченный пулями и осколками ельник перед «положаем» наполнился грохотом автоматных очередей. Под покровом вязких предрассветных сумерек мусульмане подошли совсем близко, практически на гранатный бросок. Да видно сдали под конец нервы, или от такого необычного везения заподозрили коварную ловушку. Запросто могли всех вырезать втихую, но все же предпочли открыть кинжальный огонь с пары десятков метров. А это уже совсем другая песня. Хлопнуло несколько гранатных разрывов, истошно взвизгнув осколками. Опять повезло – гранаты скатились дальше по склону и не причинили никому вреда.

Кекс, еще плохо соображающий спросонья, вылетел из бункера и плюхнулся в маленький окопчик вырытый чуть правее. Над головой зло взыкнули запоздавшие пули. Он тут же стегнул длинной очередью по ельнику, вовсе не надеясь в кого-нибудь попасть, а просто обозначая для «турок» присутствие защитников позиции. Здесь мы, здесь, теперь так просто не возьмешь! В колышущемся в десятке метров от окопа зеленом море разглядеть противника практически невозможно. Поэтому били пока просто наудачу, скорее давя на психику, заставляя прижиматься к спасительной земле, не давая подняться для последнего решительного броска. Слева послышалась автоматная перебранка, еще кто-то из добровольцев вступил в бой. Из самого бункера длинной очередью рокотнул пулемет, старый добрый МГ-42. Ветеран Второй Мировой до сих пор в строю и исправно продолжает сеять смерть. Из-за бревенчатой стены бункера как чертик из табакерки вынырнул Малой, в руках эргэдешка, замах и гостинец улетел в сторону атакующих, а сам доброволец также стремительно исчез, нырнув под прикрытие толстых бревенчатых венцов. Граната рванула где-то в глубине ельника, но ни стонов, ни криков не слышно, видимо на этот раз никого не задело.

Мусульмане упорно продолжали расстреливать позицию, судя по интенсивности огня в зарослях их человек двадцать – тридцать. Добровольцев на «положае» лишь пятеро, и «муслики» об этом прекрасно знают. До ближайших сербских позиций метров двести, но оттуда разве что помогут огнем, да и то сомнительно, уж больно неудобный угол. На реальную помощь надеяться можно только когда рассветет, такие уж у этой войны правила, ночью каждый сам за себя. Никто не полезет в темноте на выручку по заминированной местности, рискуя угодить в засаду. И отступать тоже некуда, позади длинный крутой склон, если собьют с позиции, потом перестреляют на нем сверху как в тире.

Первоначальный шок от внезапного нападения прошел. Кекс расстрелял магазин в белый свет как в копеечку и, справившись с дрожью в руках, пристегнул следующий. Постепенно вернулась способность к здравому мышлению. Все прежние действия предпринимались просто на инстинкте: выскочить из ставшего ловушкой бункера, найти укрытие и стрелять, стрелять, чтобы успеть убить хоть кого-нибудь. Человек впервые попавший в подобную переделку, как правило, впадает в ступор, он либо в полном оцепенении ничего не делает, либо наоборот начинает лихорадочно действовать, правда действия эти, суетливые и непродуманные, скорее ведут к гибели, чем к спасению. Иное дело – опытный воин, ему даже не надо задумываться, за него думают наработанные ранее в подобных ситуациях рефлексы. Намертво въевшийся в плоть и кровь алгоритм выполнен, теперь следовало спокойно оценить положение. Так, потихоньку осмотримся. Мусульмане, нарвавшись на отпор, подозрительно притихли. Тренированное ухо без труда определяет, что теперь по позиции работают не больше десятка стволов. А где же остальные? Подбираются ближе? Обходят? Так и есть, вот справа послышался громкий звяк пустых консервных банок, не подвела нехитрая полевая сигнализация. Похоже «муслик» качественно запутался в сложных петлях навязанных на прошлой неделе добровольцами. Это надо же было так забренчать, что даже забытые грохотом пальбы барабанные перепонки различили звук. А ну, где ты там, почитатель Аллаха? Пора на встречу с гуриями! Глаза до рези

вглядываются в еловые заросли. Мушка автомата чутко ощупывает кусты и гнутые низкие елки. Ага, есть! Резко мотнулись из стороны в сторону еловые лапы, и в просвете на секунду мелькнула согнутая в три погибели быстрая фигура в черном комбинезоне. Ого, кто к нам пожаловал! Черные комбезы носит мусульманский спецназ «Черные ласточки», парни умелые и упорные в бою. Но этой «ласточке» сегодня определенно не повезло, чуть продвинувшись вперед «муслик» идеально «садится» на мушку, и палец Кекса плавно выжимает спусковой крючок. Короткая очередь патрона на три, еще одна чуть вперед по ходу движения и одна слегка назад, на всякий случай. «Турок» после первых выстрелов в его сторону рывком исчезает в зарослях. Попал или нет, не ясно, но больше подозрительных шевелений не наблюдается.

Постепенно огонь по фронту слабеет, похоже отходят, да и правильно, вот-вот рассветет, не совсем же они дураки, чтобы атаковать в лоб при свете дня. Но тут Малой высунувшись из-за бункера и набрав побольше воздуха в легкие во весь голос орет:

– Аллах – овечий выпердыш! Живео Србия!

В ответ примолкшие было заросли, взрываются яростным ревом и автоматными очередями. Несколько трассеров огненными клубками проносятся прямо над головой наглого добровольца. Возьми стрелки прицел чуть пониже, и не кричать бы мелкому одесситу больше никогда в этой жизни. Малой стремглав скатывается назад, и Кекс краем глаза замечает, как он ошалело вертит лопухой башкой сидя у входа в бункер. По ельнику гигантской косой проходит длинная очередь пулемета, в воздух взлетает хвоя и мелкие ветки. Пулеметчик Ганс – обрусевший поволжский немец, свое дело знает туго, и наверняка успел засечь позиции паливших трассерами «мусликов».

Кекса неприятно поразила близость противника. Никуда они отходить не собирались, наоборот подползли еще ближе. Отложив в сторону автомат, он подтянул ближе к себе подрывную машинку. Две неизвестно какими правдами и неправдами добытые монки дремлют под маскировочными сетями на краю ельника прямо на пути к «положая». Если «турки» все же решатся на последний бросок, то этот серьезный аргумент поможет их остановить, или, по крайней мере, изрядно проредить их ряды. Главное сохранять хладнокровье и тиснуть кнопку в нужный момент, чтобы использовать «секретное оружие» по максимуму. Любовно погладив подрывную машинку, Кекс вытянул из ножен на поясе устрашающего вида кинжал и воткнул его рядом с бруствером, чтобы был под рукой, на случай рукопашной. И уж на самый крайний, необратимый случай у Кекса был припасен еще один сюрприз для «друзей» с той стороны – ребристая граната Ф-1 в кармане самодельной разгрузки, «самоликвидатор» со специально сшитой и накинута на чеку петлей. Так что даже раненый, обессилевший от потери крови, он сможет привести в действие эту дверцу в лучший мир, достаточно чтобы слушалась хотя бы одна рука. Вот пожалуй и все. Теперь он полностью готов к встрече гостей.

И гости не заставили себя долго ждать. Разъяренные издевкой Малого «турки» все же решились на штурм. Черные фигуры замелькали в ельнике, практически не прячась, в полный рост, беспорядочным, но плотным огнем вжимая защитников «положая» в землю. Захлебываясь злостью, взревел пулемет, и трое или четверо нападавших, будто сломавшись в поясе, покатались обратно в заросли. Но остальных это не остановило. Кекс, закусив губу, дважды, для верности, надавил кнопку подрывной машинки. От близкого грохота заложило уши. Смертоносный веер осколков смял, исковеркал и разбросал в разные стороны еще несколько набегавших черных фигур. Но хлынувших волной «турок» уже было не сдержать еще секунда и все вокруг смешалось. Треск автоматных очередей, хлопки гранат, яростные вопли, призывы к Аллаху и просто отчаянная русская матерщина причудливой какофонией взлетели к небу.

Прямо перед окопчиком Кекса мелькнул затянутый в черное силуэт. Полновесная очередь поперек груди отшвырнула его в сторону, и тут автомат, как-то жалобно по-человечески всхлипнув, отказался стрелять. «Перекосило патрон!» – молнией пронеслось в мозгу. Кекс попытался ударом ноги выбить заклинившую затворную раму, но с первого раза не получи-

лось, а на окопчик уже набегал другой «турок». Время будто замедлило свой ход и доброволец ясно, как на качественном цифровом снимке рассмотрел врага. «Муслик» был без головного убора, пшеничного цвета волосы стянуты зеленой лентой, полные ярости глаза с маленькими черными точками зрачков казалось, пронзали насквозь, раня острым стальным блеском, на распыленных в зверином оскале губах хлопьями пена смертельного бешенства. Стоп-кадр продолжался доли секунды – бесконечное мгновение вечности, но эти белые от злобы глаза в которых хохотала сама смерть, накрепко отпечатались в памяти добровольца и впоследствии долго преследовали его в ночных кошмарах. С тонким, каким-то заячьим взвизгом, Кекс отбросил автомат, ставший бесполезной железкой, и, схватившись за нож, кошкой взлетел на бруствер. Несмотря на всю стремительность этого порыва, он уже понял, что безнадежно не успевает. Автомат «турка» расцвел огненными лепестками, потянувшись к его груди строчкой раскаленного свинца. Уши оглушил немыслимый грохот, это ломалась, рушилась на куски вселенная, и во всем мире оставался лишь один звук, дребезжащий рокот автоматной очереди. «Почему я слышу выстрелы? Своей пули не услышишь! Ведь он стрелял в упор и не мог промахнуться!» Тем не менее, звук не исчезал, а наоборот нарастал, становясь выше и громче. Он уже не напоминал собой выстрелы. Кекс дернулся всем телом, пытаюсь как-то съежиться, спрятаться, уйти от пуль. И с криком открыл глаза. Прямо перед его лицом на тумбочке рядом с кроватью разрывался от злости, оглашая комнату залихватистыми трелями, телефон. Правая рука еще несколько раз судорожно сжалась в поисках рукоятки ножа, потом медленно потянулась к трубке, подняла ее, и секунду подержав, шлепнула обратно на рычаги.

Голова раскалывалась, окружающая реальность воспринималась с трудом. Наконец он окончательно осознал, что все только что происшедшее лишь дурной сон. Привычная до последней пылинки знакомая изрядно захламленная комната в коммуналке с беспощадной определенностью подтверждала что он дома, а не там в Боснии. А все сейчас виденное просто навеянный жестоким похмельем кошмар, пришедший совсем из другого мира, о реальности которого свидетельствовал только грубый узловатый шрам на левом плече, в том самом месте, где когда-то пуля босняка, разорвав мышцу, ушла в серое предзвездное небо, нависшее над чужой страной.

Вместе с возвращением реальности пришла и мелкая похмельная дрожь, в пересохшем рту остро запахло кошачьей мочой, а в плавающем в звенящем от тупой ноющей боли черепе тумане проявились обрывочные воспоминания о вчерашней одинокой пьянке. Сделав над собой нечеловеческое усилие, Кекс отклеил непослушное ватное тело от кровати и зашаркал, подволакивая ноги к стоящему в углу холодильнику. Иногда с утра там удавалось найти бутылку-другую пивка, правда, в последнее время такое случалось все реже. Вслед ему вновь настойчиво зазвонил телефон.

– Кто бы ты ни был, пошел ты на хер! – патетически протянув в сторону нахального аппарата руку, провозгласил Кекс.

Правда голос слегка подвел, прозвучал хриплым карканьем, видимо поэтому телефон на обращение не отреагировал и продолжал трезвонить вовсю. Не обращая больше на него внимания Кекс, переполняемый надеждами на скорое избавление от мук, распахнул дверцу холодильника и внимательно изучил содержимое его нутра. Не поверив себе с первого раза, он произвел еще один более тщательный осмотр, и все только ради того, чтобы лишний раз убедиться, что судьба – курва, а земное счастье столь же переменчиво, как и быстротечно. Пива в холодильнике не было. Издав тихий разочарованный стон, Кекс поплелся обратно к кровати, по пути еще раз поднял и тут же опустил телефонную трубку. Это принесло лишь минутную передышку – аппарат тут же зазвонил вновь. Несколько секунд Кекс с ненавистью рассматривал его борясь с искушением просто взять и трахнуть надоедливую сволочь о стену, про возможность просто выдернуть из сети штекер, затуманенный остаточными парами алкоголя мозг даже не подумал. Наконец придя к выводу, что не плохо было бы лично высказать

столь настойчивому звонарю все, что он о нем думает, Кекс потянул трубку к уху и раздраженно буркнул в мембрану:

– Ну?!

– Здрав будь, боярин! Как жизнь, как дела? – жизнерадостно откликнулись с другого конца телефонного провода.

И от звука этого бодрого голоса у Кекса сами собой подкосились колени. На секунду он вновь выпал из реальности, не понимая, кто он и где находится, вдруг кисло пахло пороховой гарью, а в ушах, внезапно оглохших, поплыл шелест смертовиц колышущихся под порывами ветра на стенах домов окраины Сараево.

– Эй! – забеспокоился собеседник. – Ты куда пропал? Не узнал что ли? Это я – Бес.

– Узнал, – с усилием выдохнул Кекс, пытаясь вновь сфокусироваться на реалиях своего привычного тесного мирка, из которого его сегодня уже второй раз безжалостно выдергивали.

– А раз узнал, то отвечай честно и прямо. Боевого друга в гости примешь, или как?

– Куда, примешь? – Кекс все еще не мог сосредоточиться, и смысл сказанного доходил до него с трудом.

– Понятно. Случай тяжелый, но излечимый. У тебя на сегодня какие планы? Дело есть, хочу подъехать к тебе поговорить?

– Да нет никаких планов, подъезжай...

– Отлично. Значит, через часок подскочу. Жди. Кстати и пива по дороге возьму, помоему, тебе не помешает.

Кекс еще долго сидел на разворошенной постели, уныло глядя на гудящую в руке телефонную трубку. Конечно, не узнать Беса было довольно сложно, особенно ему. Ведь это именно Бес шесть лет назад выпустил ту пулю, что спасла жизнь добровольца по прозвищу Кекс, отправив в «поля вечной охоты» стрелявшего в него мусульманина. Вот уж, что называется сон в руку. Беспокойно занял шрам на плече. Не к добру это все, что за дела такие вдруг появились у Беса, что вспомнил давнего товарища? Ну как бы там ни было, следовало собраться и хоть немного привести в порядок свою берлогу перед прибытием гостя.

С усилием поднявшись, Кекс огляделся по сторонам. Надо признаться, зрелище открылось неприглядное и удручающее. Комната пребывала в беспорядке и изрядном запустении. На обеденном столе в углу горкой высились шкурки от колбасы, хлебные корки и огрызки огурцов. Венчал натюрморт замызганный граненный стакан – молчаливый свидетель вчерашней одинокой пьянки. У ножки примостилась пустая бутылка из-под водки. Остальное убранство тоже не отличалось чистотой и упорядоченностью – рваные давно не стиранные шторы на единственном окне, гора картин в аляповатых рамках ворохом сваленных в углу, разбросанные тут и там краски, кисти и различные приспособления для рисования и посреди комнаты колченогий мольберт с очередной работой художника. На холсте закрепленном на мольберте, изображенная в классическом готическом стиле демонического вида морда, парящая в голубом покрытом веселыми белыми облаками небе, опускала к покалеченному артиллерийским огнем городу на земле тонкий раздвоенный как у змеи язык. И по этому языку стройными рядами прямо в оскаленную пасть поднимались одетые в камуфляжную форму фигурки с оружием в руках. Темно-красными буквами, с которых каплями стекала кровь, поперек яркого неба тянулась надпись: «Наемники не умирают! Они отходят в ад для перегруппировки». Вид такого произведения искусства, несомненно насторожил бы любого психотерапевта. Однако в этой грязной замусоренной комнате оно смотрелось совершенно органично. Гораздо больше с интерьером диссонировал темного дерева антикварный столик, стоящий у окна. На лакированной поверхности замерли две черные витые свечи в массивном металлическом подсвечнике в окружении странного расклада непривычных для русского человека карт Таро.

Кекс горестно вздохнул, осознав масштабы необходимой уборки, и пнул под кровать кучку грязных носков и трусов совсем не озонировавшую и без того затхлую атмосферу. После

непродолжительной борьбы с собой он решил, что наведение хотя бы косметического порядка в таком состоянии как сейчас вещь абсолютно нереальная. В конце концов, Бес, как и он сам, совсем не так давно обитал в местах и вовсе не походивших на человеческое жилье, а скорее на звериное логово. Утвердившись в принятом решении, Кекс подошел к длинному и узкому зеркалу, висевшему на стене, с отвращением взгляделся в стеклянную глубину амальгамы. Из зеркала на него смотрело весьма жалкое патлатое существо с неаккуратно подстриженной бородой и жирными засаленными волосами, свисающими на лицо длинными неопрятными сосульками. Под покрытыми красными прожилками больными глазами залегли огромные черные мешки, лицо было одутловатым и отливало нездоровой синевой. «Да, укатали сивку крутые горки», – печально подумал Кекс, качая головой. Только тело пока еще оставалось крепким и жилистым, покрытым жгутами тренированных мышц, но, скорее всего, это не надолго. Он скорчил зеркальному двойнику рожу и тут же скривился от очередного приступа головной боли. Ладно, хватит собой любоваться, если навести порядок в комнате не под силу, надо хотя бы пойти умыться, а то Бес испугается такого зрелища и удерет вместе с обещанным пивом. Он невольно улыбнулся пришедшей в голову мысли, вряд ли на этом свете, а возможно и на том, имелось что-то или кто-то способные напугать Беса. По крайней мере, так было раньше, там, в другом мире, в аномальном измерении которое по нелепой ошибке носит человеческое название – Босния. Хотя как знать, в то время и сам он был молодым, лихим и отчаянным, а водка пилаась тогда с радости, или с горя, а не как сейчас, заливая ежедневный кошмар, вновь всплывающий из глубин памяти.

Не озаботившись тем, чтобы хоть во что-то одеться, Кекс как был, в развевающихся семейных трусах протопал в ванную. Толкнув когда-то белую, а теперь покрытую серыми потеками грязную дверь, он нос к носу столкнулся с абсолютно голой соседкой. Та, ничуть не смутившись, встряхнула обвисшей бледной грудью покрытой голубой сеткой вен и кокетливо заулыбалась. Опять не заперла двери, старая потаскуха! Сказать, что встреча была полной неожиданностью нельзя, соседка давно пыталась заарканить угрюмого холостяка и вдвое увеличить таким образом размер жилплощади на которой обитала с дочерью-подростком, вечно размалеванным как портовая шлюха лохматым существом с прокуренным голосом и манерами вогнавшими бы в краску даже прожженного сутенера с Тверской. По какой-то неведомой Кексу причине, соседка полагала свое обрюзгшее тело идеалом женской красоты и вполне серьезно считала, что стоит лишь его обнажить и любой мужчина тут же упадет к ее ногам. Устало оглядев (в который раз!) соседкины прелести, отметив про себя покрытые жесткими черными волосами ляжки, отвратительные жировые складки внизу живота, и едва сдержав неожиданный приступ тошноты, Кекс с тяжелым вздохом двинулся обратно на свою безопасную территорию.

– У-у, траханный импотент, – уловил он за спиной злобное шипение обманутой в лучших чувствах женщины.

Повторить поход в ванную он рискнул лишь после того, как соседка грузно прошлепала босыми ногами мимо его двери по коридору в свою комнату.

Бес ворвался в квартиру настоящим ураганом, дорого и элегантно одетый, благоухающий тонким французским парфюмом, он выглядел здесь существом из совершенно другого радостного и светлого мира. И даже угрюмая соседская девка, которой он мимоходом послал исполненный истинного шарма воздушный поцелуй, проводив его удивленным взглядом, выдала краткую, но емкую характеристику: «Во клёвый чувак! Такому бы и посреди улицы дала!», не сопроводив свои слова, против обыкновения, привычными матерными эпитетами.

– Ну, зови к столу, хозяин! – весело подмигнул Бес несколько оторопевшему от такого напора Кексу, кивая в сторону соседней комнаты. – Можем, кстати и дам пригласить!

– Нет уж! Эти всем подряд дамы, мне уже давно поперек горла! Обойдемся, как-нибудь, да и не люблю я общественных туалетов, куда каждый кому не лень может зайти отлить. Понимаешь о чем я?

– Бесспорно, бесспорно. Хозяин – барин, так даже лучше будет. Разговор у нас с тобой долгий, для чужих ушей мало предназначенный.

Кекс заморожено следил за тем, как растет на столе гора пакетов со всякой снедью к пиву, и даже непроизвольно сглотнул слюну при виде небольшого, на пять литров бочонка извлеченного из объемистой сумки гостя.

– Мочу из ларьков пусть пьют бюджетники и прочие лохи, а мы с тобой заслужили настоящий «Будвайзер».

До сих пор страдавший от жестокого похмелья Кекс жадно схватил наполненный прохладной влагой бокал, и даже не сдувая высокой пенной шапки, приник к нему пересохшими губами. Пиво тугим освежающим комком прокатилось по горлу и тяжело провалилось в желудок, растекаясь по всему измученному организму. Вскоре в раскальвавшейся голове плеснула теплая ласковая волна, смывая и боль, и похмельную тяжесть.

– Ффух, – облегченно выдохнул Кекс. – Хорошо-то как! Будто ангел босиком по душе пробежался.

Бес с довольной улыбкой наблюдал за товарищем, к своему бокалу он еще даже не приронулся.

Потекла неспешная степенная беседа ни о чем. Вспоминали общих знакомых, спокойно не горячась понапрасну, обсудили политические и спортивные новости.

– Интересная картина получилась, – кивнув в сторону мольберта, заметил Бес. – Со смыслом. Сам рисовал?

– Да какая там картина! Так, мазня! – смущенный похвалой Кекс поспешил развернуть мольберт обратной стороной к столу.

– А там в углу еще живопись?

– Там еще худшая мазня. Голые бабы и парусники в море. Специально на продажу.

– О, брат, так ты художник! – деланно удивился Бес, разумеется он отлично знал о роде теперешних занятий старого друга, но обстоятельства требовали пока скрывать эту осведомленность. – Ну и как, пользуются спросом нынче голые красотки?

– На жизнь хватает, – пожал плечами Кекс. – Вот только опротивело уже до тошноты. Хочется рисовать свое, то что волнует, будоражит кровь. Но такое ощущение, что это никому не нужно и не интересно! Вот голая телка или яхта на закате, это да, это они понимают и покупают! Обыватели!

– Да уж, наемников уходящих в ад, у тебя, конечно, вряд ли купят...

– Да что наемники! Что угодно, мало-мальски заставляющее думать, рождающее какие-то чувства, уже им не нужно! Как же, оно ведь тревожит, заставляет вспоминать, что в жизни существуют не только деньги и удовольствия на них покупаемые! Они не хотят этого знать! Тупые мещане! Почему? Почему они стали такими, Бес?! Ведь было же все иначе? В жизни был смысл, были цели...

– Да, когда-то были цели, – меланхолически прихлебывая пиво, согласился Бес. – А теперь все больше мишени.

– Что? Какие мишени? – удивленно прервал свою обличительную тираду Кекс, вопросительно взглянув на бывшего однополчанина.

– Такие как в тире, только живые в основном, – спокойно пояснил Бес, пристально глядя в глаза собеседнику.

– Ты хочешь сказать, что ты... Ты...

– Вольный стрелок. Знаешь, плохих людей наказал, хорошим помог, комиссионные в карман и гуляй рванина.

– Так ты за этим ко мне?

– Ну вроде того. Есть одно дело, в Африке, довольно прибыльное. Хочу тебе предложить присоединиться.

Кекс опустил глаза и надолго задумался. Бес продолжал неспешно прихлебывать из своего бокала, исподтишка наблюдая за художником, но не пытаясь прервать его раздумий.

– Нет, Бес, я больше не хочу, – глухо промолвил Кекс, так и не подняв головы, больше всего на свете ему сейчас не хотелось встречаться с все понимающим насмешливым взглядом однополчанина. – Мне хватило в прошлый раз на всю оставшуюся жизнь. Я больше не могу, не хочу этого! Меня до сих пор мучают кошмары! Меня выворачивает наизнанку, когда случайно натыкаюсь в газетах на статьи о Боснии! Извини, я ничем не смогу тебе помочь.

– Что ж, насильно мил не будешь. Если тебе нравится, то и дальше рисуй для зажранного быдла голые сиськи. Тоскуй, мучайся, спивайся. Каждый волен выбирать сам. Но на всякий случай вот тебе моя визитка, не потеряй. Если вдруг передумаешь, позвони, только не тяни – я подожду одну неделю. Потом будет поздно. Ну а теперь мне пора, провожать не надо.

– Извини меня, Бес, – Кекс все же нашел в себе силы поднять голову, но смотрел все равно куда-то мимо, пряча глаза. – И еще... Не приходи больше сюда, ладно? И не звони...

– Обещаю, – серьезно ответил уже стоявший у двери Бес. – Ты сам ко мне придешь. Я верю в это, ты не сможешь вот так...

И он медленно обвел рукой убогую комнатушку.

В прихожей он нос к носу столкнулся с соседкой Кекса и ее дочкой, обе были наряжены как на праздник и размалеваны не хуже клоунов в цирке. «Специально дожидались», – без-ошибочно определил Бес.

– Оревуар, милые дамы. Счастлив был с вами познакомиться.

– Пока-пока, папик. Заглядывай, коль охота будет – пупками потремся. Такому сладкому во все дырки дам, – пискнула соседкина дочка и тут же словила от матери подзатыльник, что ее впрочем, не слишком расстроило.

Бес остановился и внимательно посмотрел на это годившееся ему в дочери существо.

– Знаете, юная леди, наиболее сексуальной частью женского тела я считаю мозги – извращенец, что делать... Так вот, дам, наделенных этой особенностью в последнее время все меньше, так что если она вдруг имеется в наличии у Вас, то я готов достать Вам с неба звезду и прочие глупости. Вот только придется изрядно потрудиться, чтобы доказать мне наличие у Вас способности мыслить. За сим разрешите откланяться. Простите, руки целовать сегодня не буду, ибо это явный перебор.

Ответом ему был недоуменный взгляд девственно пустых синих глаз, щелчок надутого пузыря жвачки и запоздалое, обращенное к матери:

– Чиво-чиво, он мне сказал?

– Не обращай внимания, дочка. У-у, траханный импотент!

После ухода Беса художник еще долго цедил пиво, задумчиво глядя куда-то вдаль. Потом тщательно убрал со стола и даже помыл посуду. Закурил и, выдавив на палитру краски, подошел к незаконченной картине. Он работал, не замечая течения времени, полностью поглощенный процессом творения, не нуждаясь ни в пище, ни в отдыхе, даже сигареты были забыты. Когда Кекс наконец оторвался от своего шедевра, в окно уже всюю заглядывала бледная луна, а темное вечернее небо усыпали звезды. Еще раз окинув взглядом свою работу, художник удовлетворенно кивнул. На полотне произошли заметные изменения – на заднем плане, частично заслоненное демонической мордой, появилось лицо человека средних лет в черном берете с двуглавым орлом. Если бы женщины из соседней комнаты увидели это лицо, то без колебаний опознали бы странного утреннего гостя, произведшего на них весьма сильное впечатление. Вот только заходивший с утра человек был весел и шутив, постоянно лукаво улыбался, на холсте же четкие, как выбитые на медали, черты выглядели холодно и сурово, а в слегка прищурен-

ных глазах плясал опасный угрожающий огонек. Что ж, именно таким запомнил Кекс своего бывшего командира.

Художник распахнул окно и, наслаждаясь струящейся с улицы вечерней прохладой, закурил, с ногами забравшись на подоконник. Внизу равнодушный к молекулам-людям мегаполис продолжал жить своей обычной жизнью: гудящей стаей неслись в разные стороны машины, переливался всеми цветами радуги неон реклам, где-то далеко выли сирены. Кекс смотрел на ночной город, а перед глазами против воли вставал совсем другой, далекий, оставшийся в другом мире и в другой жизни. В той жизни, в которую ему предлагали вернуться.

– Ляксей Петрович, чайку выпить со мной не желаете? Там, чай, кофе, потанцуем, полежим. И-ик...

Стук в дверь и пьяный, и от того более противный, чем обычно, соседкин голос прервал очарование ночи. Кекс лишь досадливо дернул головой и промолчал, надеясь, что она уймется сама.

– Ляксей Петрович, ну пригласите... И-ик... даму в гости... Как это? Во! Пупками потереться...

Нет, так больше невозможно! Захваченный порывом звенящей холодной ярости, Кекс спрыгнул с подоконника, быстрыми шагами пересек комнату и резко распахнул дверь.

– У-у, импотент... – привычно завела соседка.

И осеклась, когда жесткая рука с силой схватила ее за горло, а большой палец уверенно нащупал яремную ямку. Несколько секунд он с наслаждением наблюдал, как мутная дымка опьянения уходит из блеклых, в застывших потеках туши глаз, и зрачки расширяются, наполняясь осознанием смертельного ужаса. Потом заговорил, чужим металлическим голосом, тихо и размеренно, будто заколачивая молотом бетонные сваи:

– Сейчас ты пойдешь к себе. И больше никогда не подойдешь к этой двери. Вести себя будешь тихо и спокойно. Прекратишь меня доставать. То же скажешь дочке, и проследишь, чтобы она тебя послушалась. Ты поняла меня? Или ударить тебя?

Соседка быстро и мелко закивала.

– Тогда иди.

Тиски на горле разжались, и женщина все еще потрясенно кивая, попятилась к своей комнате, не отрывая глаз от жуткого незнакомца, все эти годы бывшего ее соседом. Наконец хлопнула дверь, и художник остался один. Какое-то время он тупо смотрел перед собой, потом вернулся к себе, и только там, надежно отсеченный родными стенами от остального мира, тихонько завыл, закрыв лицо руками и раскачиваясь из стороны в сторону. «Господи, что это было? Кто это был? Ведь я не такой, я не мог этого сделать... Это не я... Неужели прав был Бес, и все возвращается?»

С силой проведя ладонями по лицу, будто стирая опутавшую его липкую паутину, он подошел к столику с картами. Аккуратно зажег черные свечи и потушил в комнате свет. Заплясали по стенам причудливые тени. Взяв в руки карты, он долго перебирал их, что-то тихо нашептывая, отобрал из колоды два десятка карт, отображающих Великие арканы, потом начал долгий и сложный расклад. Окажись сейчас в комнате человек понимающий в гадании по Таро, он конечно узнал бы его. Кекс раскладывал так называемую «Альтернативу», гадание могущее подсказать, как сделать правильный выбор между простым спокойным вариантом развития событий и вариантом нетривиальным, авантюрным, предрекая к чему приведет тот или иной поворот дальнейшей жизни. Гадание с участием лишь Великих арканов, должно было подчеркнуть серьезность предстоящего решения и обеспечить наибольшую точность предсказания. Нельзя сказать, что Кекс был настолько суеверен, что прибежал к Таро во всех спорных случаях, но в моменты, когда чаши его личных внутренних весов останавливались в шатком равновесии не склоняясь ни к «за», ни к «против», даже такая маленькая гирилка, как результат полночного гадания могла перевесить в ту или иную сторону. Хотя в глубине души художник

и не слишком верил в магическую силу купленных из любопытства карт, скорее уж это просто было данью давней склонности ко всему таинственному и мистическому.

Карты с шорохом ложились на гладкую полированную поверхность. И выходило так, что ждут художника в будущем сожаление об упущенных возможностях, печаль, тоска и пустые не приносящие удачи и удовлетворения хлопоты, а прими он предложение Беса, и будут риск, опасность, тяжелый труд, не гарантирующий результата. «Ни ветер в спину, так хрен в жопу!» – улыбнулся про себя Кекс, вспомнив любимую присказку добровольца Малого. Теперь все зависело от двух последних карт подводящих итоги тому или иному пути. На верх расклада, где собрались карты предрекавшие поездку в Африку пришла «Смерть», Кекс невольно вздрогнул, взглядываясь в страшную карту и, затаив дыхание, потянул из колоды следующую, подводящую итог его дальнейшей жизни в Москве. Открылась «Башня», аркан, символизирующий полный крах всех начинаний и стремлений и скорую гибель самого гадающего. Художник удивленно присвистнул, и задумался, глядя на разложенные карты. В принципе «Смерть» не была таким уж фатальным арканом и могла толковаться, как переход к чему-то принципиально новому через отмирание старого, означать кардинальную смену места работы, жительства или просто стиля жизни. «Башня» подобных вольностей не допускала. «Что ж, значит так тому и быть!» – заключил Кекс и смешав карты без сил свалился на постель. Спал он спокойно, без сновидений, как младенец, а на утро проснулся с улыбкой и отчетливым ощущением, что начинающийся день обязательно принесет ему что-то необыкновенно хорошее. Такого с ним не случилось уже много лет.

Умывшись и наскоро перекусив, встреченная в коридоре соседка с похвальной быстротой метнулась к себе в комнату и больше не казала оттуда носа, Кекс принялся рыться в недрах платяного шкафа. Занятие это отняло довольно много времени и к моменту, когда искомая вещь была обнаружена, на полу выросла изрядная гора старого ненужного шмотья, которое, как обычно, руки все не доходят вынести на мусорку. Наконец в руках у художника оказалась изрядно поношенная выбеленная ярким солнцем камуфляжная куртка, с нарукавного шеврона смотрел белый волк. Кекс заговорщицки, как старому другу, подмигнул волку, и тот вроде бы даже довольно ощерился в ответ. С трудом натянув камуфляжку, раздобыл однако, от спокойной жизни, Кекс вышел из дома и решительно направился к парикмахерской за углом.

– Как Вы сказали? – молодой парикмахерше показалось, что она ослышалась.

– Наголо, сестренка, усы и бороду тоже долой, – светло улыбнулся ей Кекс.

Девушка лишь удивленно пожала плечами, запуская расческу в роскошную спадающую ниже плеч гриву волос странного клиента.

Выйдя из парикмахерской и неловко ощущая себя голым, странно, но хорошего настроения это не испортило, Кекс вынул из кармана мобильный телефон и, ни секунды не колеблясь, набрал номер, указанный на оставленной Бесом визитке.

* * *

Неприметная звериная тропка круто свернула в лощину и, шедший в тот момент впереди маленького отряда Кекс на мгновение остановился, в нерешительности оглянувшись на Беса. Что прикажет командир, топать и дальше по тропе, или, выдерживая направление к границе, переть через лес напрямую. Бес коротко махнул рукой, объявляя привал. Смертельно уставшие люди повалились на влажную землю прямо там, где стояли, не выбирая мест посуше и поудобнее, не пытаясь скинуть с себя давно натершие плечи ремни оружия и снаряжения, на все это просто не было сил. Бес отдыхать не спешил, задумчиво осмотрев крутые склоны лощины, он коротко бросил, обращаясь к Кексу: «Остаешься за старшего!», затем кивком подозвав Самурая осторожно, но быстро двинулся по уходящей в овраг тропе.

Вернулись они минуты через три, оживленно что-то обсуждая на ходу, явно удовлетворенные результатами короткой разведки. Обычно хмурое лицо Самурая сияло, а левый уголок рта нервно подергивался. «Кровь чует», – с одного взгляда определил дольше других знавший его Маэстро.

– Всем подъем! – бодро гаркнул Бес, несильно пнув ботинком лежащего на пути Студента.

– В общем так, парни, – продолжил он, дождавшись когда все нехотя поднялись на ноги. – От этих волкодавов нам не уйти, слишком быстро нагоняют. Поэтому надо остановиться и пустить им кровь, чтобы не слишком рвались вперед. Иначе они нас достанут еще до темноты. А здесь местечко – для засады лучше не придумать...

Диспозицию определили быстро. Лощина чуть дальше делала крутой поворот почти под девяносто градусов, и место для разработанного Бесом плана действительно казалось идеальным. Пройдя за поворотом метров пятьдесят, Бес остановил группу и, коротко пошептавшись с Маэстро, подал громкую команду:

– Внимание! Делай как я! И идти след в след!

После чего он, резко оттолкнувшись, прыгнул с тропы в редкий просвет в стене неизвестных кустарников с мясистыми листьями. Короткий шорох листвы и командир растворился в чуть колыхнувшемся зеленом море. С секундным интервалом за ним последовал Кекс. Самурай подтолкнул в спину задержавшегося Студента, давай мол, не тормози. За Студентом широко шагнула с тропы недоуменно пожавшая плечами Ирина. Сам Самурай чуть задержался, чтобы дружески хлопнуть по плечу Маэстро.

– Удачи, брат! Ни пуха!

– К черту! Тебе удачи!

Ветки кустарника сомкнулись за широкой спиной Самурая. Маэстро постоял внимательно взглядывая в зеленую стену, похоже все нормально то, что несколько человек в этом месте сошли с тропы сразу в глаза не бросалось, конечно, не стоило обманываться и сравнивать себя с местными следопытами. Те без сомнений мимо не пройдут, вот только когда они сюда дойдут, это уже не будет иметь никакого значения, лишь бы издалека не усекли ничего подозрительного. Да вроде не должны! Поправив неестественно согнувшуюся ветку, Маэстро быстрым шагом двинулся вперед, нарочито обрывая на своем пути свисающие лианы, обламывая вытарчивающие над тропой тонкие ветви и вообще стараясь как можно больше наследить, чтобы на первый взгляд казалось, что шли здесь по прежнему шестеро, а вовсе не он один.

Преследователи показались минут через десять после того, как группа заняла старательно выбранные Бесом позиции. Командир лично определил каждому из стрелков сектор огня и строго напомнил:

– Только не увлекаться, парни. Расстреляли по магазину и ходу вниз. Не дай Бог, они успеют кого-то из вас достать.

– Нормально все будет, командир, не первый раз замужем, – чуть развязней чем обычно ответил Кекс. Адреналин предстоящей схватки кружил ему голову, периодически пробивая тело приятной мелкой дрожью, рождающей в мозгу азартный кураж.

– Эх, давненько не брал я в руки шашек, – крякнул Самурай поудобнее пристраивая автомат и прикидывая, не стоит ли для пушей устойчивости прихватить его ремнем за ствол росшего рядом раскидистого дерева.

Студент и Ирина устроились ниже на обратном скате, Бес решил, что им в засаде участвовать не стоит. Впавшему после первой стычки в истерику Студенту он откровенно не доверял, кто его знает, чего этот урод может выкинуть, пусть уж лучше посидит в сторонке. А баба она и есть баба – что с нее возьмешь. Если их обоих убрать подальше будет только больше толку и меньше неразберихи. К его немалому удивлению приказ сидеть тихо и не высовываться

оба восприняли довольно спокойно, Студент кажется даже с некоторым облегчением. Ирина же зло зыркнула на командира, но возражать не решилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.